

заявление министра обороны США Дональда Рамсфелда, о перекрытии американскими войсками трубопровода, по которому нефть переправлялась из Ирака в Сирию. При этом министр сослался на мнение экспертов в нефтяной промышленности, указывавших на то, что Ирак и Сирия нарушали санкции ООН, экспортируя от 100 тысяч до 150 тысяч баррелей нефти-сырца в день через трубопровод в Сирию. ⁽³⁻¹¹⁾

Наступило время нового Великого передела гигантского нефтяного «моря» Ближнего Востока и Персидского залива.

Ссылки:

(3-1) Pascual Serrano, La cleptocracia del gobierno Bush, Испания, «Rebellion», 30 апреля 2003 г.

(3-2) Arthur F. Ide, «George W. Bush: Portrait of a Compassionate Conservative» («Джордж У. Буш: портрет сострадательного консерватора»), 2002 г.

(3-3) James Howard Hatfield, «Fortunate Son: George W. Bush and the Making of American President» («Удачливое дитя: Джордж У. Буш и становление американского президента»), 2002 г.

(3-4) «The Washington Post», Jim Hoagland (Джим Хоагленд), 20 февраля 2003 г.

(3-5) «Вести», Юрий Бялый, 27 июня 2002 г.

(3-6) «Foreign Affairs», Edward Morse, James Richard, 2002 г.

(3-7) «The New York Times», Felicity Barringer (Фелисити Бэрринджер), Neela Banerjee (Нила Банерджи), 9 апреля 2003 г.

(3-8) «The New York Times», William Safire (Уильям Сэфайр), 21 апреля 2003 г.

(3-9) «The Financial Times», Andrew Jack (Эндрю Джек), 21 апреля 2003 г.

(3-10) «Интерфакс», 30 апреля 2003 г.

(3-11) «Sky News», 29 апреля 2003 г.

ЧАСТЬ 4 НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

«Господь не вверял судьбу Европы и Азии в руки Соединенных Штатов. И лишь обман, мания величия, пустые фантазии, жажда власти и стремление забыть о собственных страхах и избежать исполнения внутренних обязательств может заставить нас предположить, что Провидение назвало нас народом, избранным для умиротворения всей земли.

Американцы, отказывающиеся с головой бросаться в водоворот европейской и азиатской политики, не невротики и не пораженцы. Их поведение доказательство благоразумия, а не трусости, доказательство зрелой мысли,

противостоящей инфантилизму. Они хотят сохранить и защитить республику. Соединенным Штатам незначительно быть Римом или Великобританией: они должны быть Соединенными Штатами».

Чарльз Берд (Charles Beard) , 1939 г.

Глава 1.

Америка, куда ж несешься ты?

«...Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства...»

Н.В.Гоголь «Мертвые души»

Напоенный поэтическим вдохновением Гоголя отрывок из «Мертвых душ» и вынесенный в эпиграф к этой главе, был написан в сравнительно застойные годы николаевской России первой половины 19-го века. И надо было обладать поистине даром провидца, чтобы усмотреть в размеренной, чиновно-бюрократической, изоляционистской жизни Российской империи того времени буйство грядущего прогресса России и ее устремленность в мировое лидерство. Провиденческий гений Николая Васильевича Гоголя в значительной мере предвидел могучий рывок России 20-го века, в художественно-выразительных образах ощутив международное значение будущей российско-советской цивилизации. Но он не смог предвидеть коллапса системы управления партийно-административной бюрократии, приземленности и мещанства советской элиты, а также гигантской мощи государств англосаксонской цивилизации – давних конкурентов восточного славянства.

Сейчас мы наблюдаем картину иную. Вместо несущейся в необъятные дали Руси-тройки, мы видим плетущуюся по обочине мирового прогресса унылую, запряженную в ракетно-ядерную и нефтегазовую телегу, Сивку-Бурку. И уж не уступают ей дорогу другие народы и государства, а норовят спихнуть в кювет. И куда она ковыляет, не знают даже ее суетливые руководители, ибо у России нет официальной идеологии, а ее стратегические ракеты нацелены в «никуда».

Напротив, вместо Руси-тройки вперед на бешеном скаку вырвался лихой армак западной цивилизации – Соединенные Штаты Америки. У мировой сверхдержавы на сегодня нет конкурентов и соперников. Перед ней заискивающе улыбаются союзники и друзья, почтительно сгибают головы непокорные народы. И мощь ее неукротима. Если бы сейчас предстал перед нами «Великий Американец» поэт-титан Уолт Уитмен, он бы с удовольствием взял в аренду у Николая Васильевича Гоголя его гимн Руси и посвятил бы его Америке. «Америка, куда ж ты несешься?. Дай

ответ. И как эхо разливается заливиное ржание техаских мустангов: В империю, империю, империю ...!!!».

Пять веков - от колонии к сверхдержаве. После победоносной войны в Ираке Америка окончательно возомнила себя сверхдержавой, которой нет равных в мире фактически ни в чем: ни в новейших видах оружия и способах ведения войн 21-го века, ни в способности в кратчайшие сроки организовывать крупномасштабные операции, находящиеся на огромных расстояниях от собственной территории, ни в возможностях информационных технологий, ни в пропагандистской мощи по рекламе преимуществ американской системы ценностей – идеалов свободы и равенства, универсальных принципов либерализма, демократии и рыночной экономики. Тому, кто сомневается в имперской мощи Америки, влиятельная газета «Уолл-Стрит джорнэл» в редакционной статье рекомендует немедленно отправиться в Багдад и воочию убедиться в том, что он не прав. ⁽⁴⁻¹⁸⁾

Следуя совету влиятельной американской газеты, отправимся в Багдад, чтобы убедиться в том, что Соединенные Штаты и впрямь являются единственной мировой супердержавой. Сегодня Америка – абсолютный чемпион мира № 1. Наиболее прямое доказательство бесспорного лидерства Америки было выставлено на обозрение в апреле 2003 года в пригородах Багдада. Это длинный список новейших видов оружия, использованного американской армией во время операций «Шок и трепет» и «Свобода для Ирака». Конечно, список пестрит исключительно американскими названиями. Среди них:

- система «Джистарс» ("Jstars", сокр. от Joint Surveillance Target Attack Radar System - радиолокационная система обнаружения и атаки целей, разработанная для ВВС и авиации ВМС США),
- боеприпасы «ДжиДиЭм» (JDAM, сокр. от Joint Direct Attack Munitions - управляемые авиабомбы с блоком наведения по данным глобальной спутниковой системы определения координат «ДжиПиЭс» (GPS), разработанные для ВВС и авиации ВМС США),
- ракеты с наведением со спутника,
- бомбардировщики В-2 с уменьшенными электромагнитными сигнатурами,
- цифровые системы обзора местности,
- авиабомбы с наведением по лазерному лучу,
- кровеостанавливающие повязки, пропитанные положительно заряженными молекулами хитозана (разработка Орегонского центра медицинских лазеров) и многое, многое другое.

Здесь же можно увидеть широко разрекламированный дистанционно управляемый летательный аппарат «Предэйтор» (Predator), который теперь является ведущим символом Америки, как супердержавы мира.

В рекламных проспектах, выпущенных военно-воздушными силами США, сообщается: «RQ-1A/B "Predator"» - это система, а не просто летательный аппарат. В состав полностью боеготовой системы входят четыре летательных аппарата, оснащенных сенсорными блоками, наземная кабина управления, главный спутниковый канал связи. Личный состав в 55 человек обеспечивает круглосуточную работу системы. Основной экипаж осуществляет управление полетами летательных аппаратов, находясь внутри наземной кабины управления, посредством

линии передачи данных, работающей в диапазоне «С», когда летательный аппарат находится в зоне прямой видимости, или посредством спутниковой линии передачи данных, работающей в диапазоне «Ки» - когда летательный аппарат находится вне зоны прямой видимости.

Потрясенный увиденным на выставке военно-технологическими достижениями своей Америки, автор статьи в «Уолл-Стрит джорнэл» восклицает: Откуда же взялась эта «имперская сверхдержавность»? Из дыр в земле, из нефти? Из тайных подвалов Пентагона, которые «Аль-Каида» пыталась разрушить 11 сентября? И сам же отвечает: «Нет, и еще раз нет. Совсем не оттуда.» При этом автор статьи не вполне согласен и с теми, кто думает, что это просто результат «расходов на оборону», этакий «магазин на диване» для невероятно высокотехнологичной военной промышленности.

Причину достижений сверхдержавы мира автор видит в другом. Он считает, что экспонаты, представленные на выставке в Багдаде, - это коллективный результат того, что собиралось по всей Америке за последние 10 лет при помощи десятков тысяч напряженно думающих и работающих людей. Более того, по мнению автора достижения багдадской выставки начались это примерно 500 лет назад, когда несколько десятков пилигримов-европейцев сошли с парусника «Мэйфлауэр» на неведанную для них землю Нового Света. С первых своих шагов они решили: отныне они будут пытаться делать то, что до сих пор еще никто не пробовал делать. Они готовы были рисковать жизнями и имевшимися у них небольшими сбережениями, чтобы сделать повседневную жизнь в новой Америке лучше для всех, кто захочет к ним потом присоединиться. В тот момент мощь Америки была нулевой, поскольку она вообще не была тогда государством.

Разумеется, что военное снаряжение и тактическое мастерство, которое сейчас демонстрируется всему миру, - это одна из причин, по которой США являются единственной страной, претендующая на звание сверхдержавы. Но это - далеко не все. В достижениях выставки отражена напряженная работа таких гигантов американской научно-технической мысли, как «Калтекс» (Caltechs, Калифорнийский технологический институт), «МТИ» (MIT, Массачусетский технологический институт), «Джорджия Текс» (Georgia Techs, Технологический институт штата Джорджия), аэро-космические гиганты «Локхид-Мартин» (Lockheed Martin), «Боинг» (Boeings), «Нортроп-Грумман» (Northrop Grumman) и бесчисленные небольшие новые предприятия, фирмы и компании, которые сделали эту высококлассную военную технологию возможной. Но и они тоже лишь частички гораздо более интересной Америки.

И здесь автор не удерживается от того, чтобы не пропеть хвалебный гимн американской цивилизации, в целом. Целое в его понимании представляется системой, т.е. философией базовых ценностей, восходящей к Бенджамину Франклину и еще более раннему времени. Это социально-политическая система, берущая начало в инакомыслии, смелых новациях, риске, открытой интеллектуальной дискуссии, нетерпении, творческих изменениях, неудачах, духе «Дикого Запада», соревновании и мании вырваться вперед. Каждый американский ребенок, который спит не на всех уроках в школе, постепенно узнает, как эта система работает. Часть американцев уходит в пожизненную оппозицию к ней. Большинство просто идет работать - занимает одно из мест где-то внутри десятков тысяч хозяйственных предприятий или образовательных учреждений,

которые возникали постепенно, год за годом, благодаря упорному труду граждан в 50 американских штатах. Вот эта самая «мощь» и создала «ДжДиЭм» (JDAM) и бомбардировщики-«невидимки» В-2.

Опьяненный величием горячо любимой им Америки, автор статьи переходит к анализу дипломатической напряженности, возникшей между Новым Светом (Америкой) и Старым Светом (Европой) после двусмысленного замечания во время европейского турне министра обороны Дона Рамсфелда насчет «старой Европы». Автор признает, что действительно, много веков назад Европа была мировым лидером в области изобретений и инноваций. Европейские интеллектуальные и экономические ценности когда-то были аналогичны тому, что в настоящее время востребовано в США. Потом, в 19 веке, Франция и Германия допустили в своих странах корпоратизм и социализм и распахнули ворота доморощенным идеологам и экономистам. Посещая Европу сейчас, нетрудно встретить молодых, очень умных европейцев в таких странах, как Бельгия, Германия и Швейцария, которые говорят, что им нравится ездить в США, но на их вкус эта страна слишком деловая, со слишком высоким соревновательным духом.

Являясь стойким защитником свободного мира, автор выносит приговор ленивым европейцам: «Это их выбор. Но если их выбор таков, странно тогда слышать их обиды на то, что Америка не хочет швартоваться рядом.»

Так же эмоционально автор пытается защитить односторонние действия Америки в войне с Ираком в обход решений ООН, которые европейцы окрестили как «наглость» односторонней политики супердержавы, которая ни перед кем не несет ответственности. Просто и цинично звучит первоапрельский гимн моральной вседозволенности сверхдержавы мира в исполнении ведущего обозревателя в «Уолл-Стрит джорнэл»: «Мировое общественное мнение» может успокоиться на том, что большинство американцев, как обычно, встают каждый день с постели, честно трудятся на работе, приходят вечером домой, готовят на заднем дворе гамбургер на гриле, ходят смотреть, как их дети играют в футбол, пьют пиво с приятелями и позволяют Жаку Шираку и Герхарду Шредеру делать все, что угодно, с гражданами их стран. Если же Америка, среди прочего, в рамках системы, сделавшей ее супердержавой, создала супербомбу МОАВ - «мать всех бомб» весом 21 тысячу фунтов (9 тонн) - будьте уверены, что это не имеет ничего общего с давлением на возмущенный мир. Это делается в основном для того, чтобы 25-летний парень с соседней улицы, оказавшийся в Кувейте, Косово или Ираке, с целью обезвреживания оружие массового уничтожения, смог вернуться к барбекю на своем заднем дворе и на трибуну школьного стадиона, где играет в футбол его сын. Как показывает история супердержав, мир знал от них и большее зло.»⁽⁴⁻¹⁸⁾

Рождение империи. 19 марта 2003 года, когда на Багдад устремились первые американские крылатые ракеты, бывший советник по национальной безопасности при бывшем вице-президенте США Альберте Горе, профессор Джорджтаунского университета Леон Фуерт опубликовал во влиятельной американской газете «Вашингтон пост» статью «Рождение новой империи». В ней рассматривалось качественно новое состояние Соединенных Штатов в современном мире, в котором они могут оказаться **после успешного завершения ближневосточной войны.**⁽⁴⁻¹⁾

Термин «империя» уже достаточно часто использовался в политологической литературе как метафора для обозначения масштабности американских интересов и военного, экономического и политического влияния США. Однако после оккупации Ирака можно будет с полным основанием говорить **не просто о термине**, используемом в публикациях на политические темы, **а о конкретной реальности**.

Размышления Фуерта о послевоенном мире вполне могли бы быть использованы при разработке плана военной операции «Свобода для Ирака» в ведомствах Рамсфелда и Пауэлла. При своей четкости и определенности они оказались удивительно созвучны фундаментальным положениям доктрины Буша. Учитывая тот факт, что статья Фуерта была опубликована в день начала войны, полезность ее пропорциональна степени глубины прогностического видения автора. Итак, что же предвидел бывший советник по национальной безопасности.

Во-первых, полагал Фуерт, Соединенные Штаты, начав войну, продемонстрируют всему миру, что они не нуждаются в чьей бы то ни было санкции, когда речь заходит о вопросах применения военной силы. Более того, авторитет США станет практически неотличим от личной воли американского президента. *«Доктрина Буша о превентивном ударе заменит собой международное право. Иными словами, в будущем любой президент в любое время сможет атаковать любую страну, при единственном условии, что данная страна в некотором смысле представляет прямую угрозу для США.»*

Во-вторых, США заявят о себе как о доминирующей силе в ближневосточном регионе, представляющем собой мощный рычаг влияния на остальной мир, благодаря роли, которую он играет на мировых рынках нефти. После оккупации Ирака США попытаются взять на себя единоличную ответственность за принятие решений, имеющих определяющее значение для будущего нефтяной и газовой промышленности Ирака. По завершении войны Америка становится виртуальным членом ОПЕК и одним из самых могущественных игроков на рынке нефти. Таким образом, **огромная военная мощь будет соединена с не меньшей и впечатляющей мощью экономической**. Тем не менее, Фуерт считает, что грядущая война ведется не за нефть. Саморазоблачительные выступления одного из самых влиятельных «ястребов» в команде Буша, описанные ниже (см. Часть 5), показывают, насколько бывший советник по национальной безопасности разошелся в понимании истинных целей иракской войны с нынешней администрацией Буша.

Леон Фуерт продолжает: «Тот факт, что мы действовали в интересах самообороны, отражая террористическую угрозу, не отменит значение победы в Ираке для остального мира. Единственно важным останется вопрос: связаны ли США какими бы то ни было международными обязательствами, ограничивающими их политическую волю? Администрации Буша трудно будет дать утвердительный ответ на этот вопрос, принимая во внимание созданный ею прецедент односторонних действий, имевших место задолго до нынешнего кризиса. Если дело дойдет до войны, мы можем одержать быструю победу. Возможно, также будет реализован масштабный президентский план позитивных изменений на Ближнем Востоке. Однако, чем более блестящими будут наши успехи, тем большими будут наши страхи. Причина этого не в том, что для достижения первых мы прибегнем к

демонстрации впечатляющей мощи, а в том факте, что правительство США решило изменить курс и заявить о том, что мы - самые сильные, что мы господствуем, как и полагается самым сильным. **И эту цену придется заплатить.»** ⁽⁴⁻¹⁾

При этом Леон Фуерт считает, что американцы, независимо от того, поддерживают они войну с Ираком или нет, должны осознать весомость статуса, который они моут вскоре приобрести. **Начало империи означает конец содружеству стран.** Неудачные попытки Соединенных Штатов получить поддержку со стороны ООН и союзника по НАТО Турции являются яркой иллюстрацией этого утверждения.

Ирония заключается в том, что, согласно существующим резолюциям ООН, США имели полное право начать военные операции против Саддама, поскольку Саддам Хусейн явным образом нарушил свои обязательства. Вместо этого, администрация Буша решила действовать, исходя из неограниченного права США вести войну, когда ей заблагорассудится.

По мнению Фуерта, **независимо от того, хотят ли американцы быть или не быть имперской нацией, в настоящий момент Соединенные Штаты Америки ею уже практически стали.** Это привело к расколу в рядах союзников Америки, поскольку ей пришлось иметь дело с амбициями таких стран, как Франция, Германия и Бельгия, полагавших, что они должны сдерживать неумный американский натиск. Администрация Буша стала осознавать, что на ее плечах лежит ответственность за послевоенное восстановление Ирака. Однако, похоже на то, что она не понимает, что ей предстоит искать пути для устранения еще одного побочного эффекта войны в Ираке, а именно, стойкого мнения о том, что США не представляют пока еще весь мир «в одном лице», а являются всего лишь частью мирового сообщества.

Тяжела ты, шапка императора. В редакционной статье апрельского номера британского «Экономист» обсуждались контуры структуры международных отношений, складывающиеся в мире после войны в Ираке. Перед Америкой в настоящее время встал почти эпохальный вопрос о переходе через свой исторический Рубикон. Америка оказалась на пороге своего судьбоносного выбора. По одну сторону – традиционное пребывание в европейской семье, и признание суверенных прав стран международного сообщества, а по другую - гордое плавание в одиночку по бурным и безбрежным просторам мировой политики. Быть супердержавой мира – это тяжелая обязанность.

Между тем конфронтационный настрой президента Буша по отношению к государствам, которые он считает враждебными Америке и ее интересам, указывает на радикальный сдвиг в американской внешней политике. Со времени сентябрьских терактов 2001 года Буш говорил: **«кто не с Америкой, тот против нее».** Такой подход частично отражал его обостренные христианские убеждения, звучащие в популярном евангельском призыве **«кто не с нами, тот против нас».** Но если президент хочет, чтобы его слова воспринимали буквально, это является признаком того, как сильно изменился мир. ⁽⁴⁻²⁾

Однако относительно того, как этот мир изменился, и какими окажутся международные отношения по окончании войны в Ираке, судить гораздо сложнее. Несмотря почти на полуторогодовую политическую и дипломатическую артподготовку по устранению упорного

международного противодействия, даже со стороны самых ближайших союзников, Америка, в конце концов, все же вторглась в Ирак. Но в это же самое время вашингтонская администрация продемонстрировала гораздо больше терпения в настойчивых попытках обеспечить широкую поддержку своих намерений в ООН, чем предполагали многие. Административно-командный тон министра обороны Дональда Рамсфелда, который прозвучал в его наставлениях соседу Ирака – Сирии, дал сигнал некоторым политическим наблюдателям предположить, что режиму в Дамаске скоро придет конец. Однако, не упуская возможности угрожать строптивому государству, Вашингтон одновременно с этим продолжал успокаивать мировую общественность, что у нее таких планов нет. Имеется пока что мало фактов, свидетельствующих о том, что даже самые неистовые «ястребы» в администрации Буша настаивают на продолжении военной интервенции на Ближнем Востоке. Они считают, что результаты войны в Ираке могут быть на время вполне убедительными, чтобы заставить сильно понервничать руководство «стран-изгоев». Возможно, это уже даже повлияло на северокорейский режим, который приглушил свою устрашающую риторику и согласился обсудить свою ядерную программу с Америкой и Китаем.

Это, разумеется, и есть так называемая **доктрина упреждения**. Соединенные Штаты сейчас, кажется, готовы ударить по любой потенциальной угрозе своим интересам до того, как эта угроза будет реализована. Если учесть, что США - единственная в мире супердержава, тогда становится понятно, почему **такой подход кажется Вашингтону разумным**. Идеально то, где форма соответствует содержанию. Гармония там, где мощь соответствует действию. Америка сейчас ясно продемонстрировала всему мировому сообществу свое убедительное военное превосходство. Если кто-нибудь сомневается, что Америка может успешно вести войну в нескольких местах одновременно, и делать это относительно малыми силами, события последних нескольких недель должны заставить скептиков глубоко задуматься.

Вместе с этим, статус супердержавы не гарантирует от терактов, как показало разрушение Всемирного торгового центра, нападение на американский военный корабль «Коул» и другие террористические акты. Не означает он и того, что Америка может действовать безо всякой оглядки на интересы и желания других. Америке нужны хорошие отношения с остальным миром, особенно с ее ключевыми стратегическими партнерами. Политическая философия и лежащий в основе существования экономический успех, сильно зависят как от активных связей с другими странами, так и от участия в мировой экономике. Тот факт, что некоторые представители американского бизнеса, не говоря уже о Конгрессе, инстинктивно проповедуют протекционизм, вовсе не означает, что американская экономика выиграет без свободной торговли. Любой отдельный сектор экономики любой отдельной страны обычно выигрывает от предоставления субсидий и ограничения зарубежной конкуренции, но это не значит, что это точно так же пойдет на благо экономике в целом.

Для государств, не являющихся супердержавами, которые, тем не менее, привыкли играть значительную роль в мировых делах (очевидным примером является Франция), сдвиг равновесия сил, произошедший за последние два десятилетия, должен быть обескураживающим. В дни «холодной войны» стратегическим союзникам Америки было гораздо

легче выступать не в своей «весовой категории». Совершенно очевидно, что Европа сильно выигрывала от своей близости к странам социалистического блока. Для Америки континент был важным буфером, своего рода прихожей в американском «атлантическом доме», на который не жалко было средств. Для Европы это означало влияние и, что еще важнее, наличие кого-то «главного», кто готов был взять на себя большую часть оборонных расходов. Дядя Сэм был приятным и желанным родственником для западных европейцев. Но были ли европейские родственники также приятны самому Дядюшке Сэму?

Характерно, что даже в те дни «холодной войны» трения между «родственниками» имели место. Америке, в принципе, нравилась идея Европейского Союза. Для Вашингтона это могло упростить ведение дел с группой столь разных стран. На практике, единая «европейская семья» часто все усложняла - никогда не было понятно, кто говорит от лица Европы. И Америка естественно возмущалась попытками Европы проводить независимую линию точно так же, как Европу возмущали попытки диктовать ей, что делать. С 1991 года, однако, с окончанием «холодной войны», Америка, возможно, стала обращать на Европу меньше внимания, чем та об этом даже подозревала.

Это высокомерие, возможно, достигло апогея в болезненных спорах, шедших в ООН накануне вторжения в Ирак. Администрация Буша ясно давала понять, что хотя она и готова попытаться достичь соглашения по новой резолюции ООН, тем не менее, она не готова свернуть с выбранного ею курса под влиянием Франции, Германии или России. Администрация Буша, возможно, более настороженно относится к Европе, чем его предшественники, но это, возможно, лишь касается степени настороженности. Не малое число влиятельных американских политиков считают Европейский Союз косным, протекционистским и, хуже всего, склонным к попустительству. Вот почему поддержка британского премьера Тони Блэра была так важна для Вашингтона.

Однако Великобритания, являясь преемницей бывшего величия Британской империи и в силу своего островного положения, продолжает играть роль своеобразного геополитического и цивилизационного «клея», удерживая в едином «атлантизме» огромные континентальные глыбы Старого и Нового Света. Великобритания выполняет роль цивилизационной евро-американской оси, одной ногой находясь в Европе, а другой - в Канаде и США, а также на многочисленных островах Атлантического океана. У Великобритании очень напряженная геополитическая поза. Ее разрывают в разные стороны две почти равные по величине силы. В силу своего геополитического положения Соединенные Штаты имеют тенденцию в большей степени дрейфовать в сторону Тихого океана, в новый нарождающийся центр мировой цивилизации. В свою очередь, Европа, в силу своей зависимости от сырьевых ресурсов, и заинтересованности в сбыте высокотехнологичной продукции также будут дрейфовать на Восток, главным образом через российское экономическое пространство. Таким образом, и Америка и Европа начали движение в противоположные от центра Атлантики стороны. В случае дистанцирования Европы от Америки, у Великобритании может не хватить сил удерживать «от разбегания» два огромных материка, и тогда она рискует остаться одна в гордом британском одиночестве в суровых пучинах Атлантики. Но это всего лишь возможные сценарии, уходящие за исторический горизонт.

Американская настороженность по отношению к Европе не ослабеет даже тогда, когда поствоенная кампания в Ираке будет приближаться к завершению. Точно так же не пройдет и возмущение Европы всемогущим «выскачкой» из Нового Света, по крайней мере, тайное. И все же усилия по ослаблению напряженности предпринимаются уже с обеих сторон. Америка прошла длинный путь к признанию роли ООН в послевоенном Ираке, хотя параметры этой роли остаются очень нечеткими. Европейские противники войны тоже стараются высказываться помягче.

На сегодняшний день трансатлантические отношения остаются пока еще центром американской и европейской внешней политики. Два континента связаны слишком прочно, чтобы изменить «родственные узы» за короткое время. Разговоры о «тихоокеанском веке», подразумевающие смещение американских приоритетов на запад, оказались преждевременными, отчасти из-за экономического застоя в Японии, и отчасти потому, что отношения с Китаем остаются неровными. Поэтому в зависимости от того, как Америка и Европа урегулируют свои противоречия, в значительной степени будут определяться будущие контуры международных отношений. Но все течет, все изменяется. Япония может преодолеть свою экономическую «одышку», а уверенное и впечатляющее движение китайской региональной сверхдержавы, может дать мощный импульс для всего тихоокеанского суперрегиона.

Соединенные Штаты хотят, чтобы Европа осознала свои обязанности, в число которых они включают: увеличение расходов на оборону, отказ от протекционизма в пользу свободной торговли, реформирование своей неэффективной экономической структуры и признание того, что попустительство редко дает шанс выигрша в чем-то, за исключением времени.

Европа, в свою очередь, хочет, чтобы Соединенные Штаты больше сотрудничали в мировых делах, проявляли больше готовности участвовать в планетарных усилиях по контролю глобального потепления, признавать легитимность Международного уголовного суда и т.д. Тем не менее, реальный баланс сил дает основание предположить, что Америка и дальше будет получать то, что захочет. В конце концов, Европа может либо принять волю супердержавы, либо «оставаться при своих».

Новый мировой порядок по Джорджу Бушу. В тот момент, когда президент Джордж Буш, выдвинув ультиматум президенту Ирака Саддаму Хусейну, он фактически сделал решительный шаг в деле реализации на практике стратегии США по нанесению превентивного удара. Тем самым, Буш впервые стал реализовывать на практике то, что со времени террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 года, представляло собой основу доктрины, носящей его имя.

Согласно этой доктрине любые государства мира и компании, производящие, распространяющие и применяющие оружие массового уничтожения, должны быть подвергнуты превентивным военным ударам. Из этого «доктринального императива» для США вытекает право уже в зародыше устранять грозящую стране опасность. Таким образом, **в американской внешней политике состоялся переход от стратегии устрашения эпохи «холодной войны» к превентивным войнам 21-го века.** Единственная мировая держава тем самым **кладет конец мировому порядку, существовавшему до сих пор.** Радикализм такого вывода

обусловлен тем, что привести в созвучие с доктриной Буша статут ООН и старые правила международного права, выработывавшегося на протяжении не одного столетия, практически невозможно. Превентивные войны предусматривают действие международного права лишь в узких рамках, а именно, для обороны, когда существует угроза непосредственного нападения. В случае с Ираком мы имеем совершенно иную ситуацию.

Следствием подобной несовместимости могло бы стать то обстоятельство, что ООН для США больше не играет лимитирующей, контролирующей или тем более запретительной роли в вопросах принятия решений относительно войны и мира. Другими словами, с мнением ООН Соединенные Штаты могут считаться лишь в вопросах гуманитарного характера. Эту «демаркационную линию» президент Буш ясно прочертил уже 16 марта 2003 года, за четыре дня до начала иракской войны, во время встречи в верхах на Азорских островах. Обвиняя Совет Безопасности в том, что тот в иракском кризисе уходит от ответственности, он одновременно предложил сотрудничество в восстановлении Ирака после войны.

Президентом Бушем на повестку дня была представлена «новая стратегия безопасности». Следует заметить, что при этом американским избирателям до сих пор не давали слова, чтобы высказаться относительно такого фундаментального изменения внешней политики избранного ими президента. Во время избирательной кампании Буш вообще нигде не упоминал о новой доктрине в столь откровенном виде. Впервые набросок своей новой стратегии безопасности Буш сделал только в начале июня 2002 года, выступая в военной академии в Вэст-Пойнте: «В 20-м столетии некоторые предпочитали умиротворять отдельных ужасных диктаторов, чей смертоносный потенциал угроз мог бы привести к геноциду и развязыванию мировых войн. В этом столетии, когда злоумышленники планируют осуществление террора с использованием химического, бактериологического и ядерного оружия, политика умиротворения могла бы привести к еще невиданным на этой Земле разрушениям. ... Реагировать на угрозы врагов после того, как они уже нанесли удар, это не самооборона, а самоубийство. Безопасность мира требует сейчас разоружения Саддама Хусейна» (см. **Приложение 3**).

В представлении Буша подобная логика является вынужденной и одновременно необходимой для обеспечения безопасности США. Он не видит иного выбора, кроме, как обратиться к новой доктрине: «Исходя из своей клятвы - клятвы, которую я сдержу, я являюсь Верховным главнокомандующим в ее реализации». Но, оказавшись заложником своей клятвы, не обрек ли президент Буш себя и всю Америку на международную изоляцию?

Джеймс Линдсей из Брукингского института так комментирует эту непростую ситуацию: «До той поры, пока США добивались организации совместных действий против Саддама Хусейна в рамках ООН, администрация избегала говорить о доктрине первого удара. Вместо этого в месяцы, предшествующие операции «Свобода для Ирака», администрация президента пыталась узаконить смену режима в Ираке, приводя в качестве аргумента нарушение Саддамом Хусейном резолюции ООН. Когда стало ясно, что Буш не получит в Совете Безопасности поддержки на проведение военной операции против Ирака, риторика

вновь изменилась. Теперь администрация открыто и без всяких прикрас сделала ставку на право нанесения превентивного удара». ⁽⁴⁻³⁾

Однако в результате такого выбора Джордж Буш автоматически привел США к изоляции. В отличие от своего отца, который двенадцать лет назад мог опираться в первой войне против Ирака на широкую коалицию, на этот раз на стороне США находится лишь горстка влиятельных государств. 18 марта 2003 года, за день до начала войны в Ираке, государственный секретарь Колин Пауэлл предупредил, что в «проамериканскую коалицию» входят 30 государств, однако остается открытым вопрос об их конкретных действиях. Правительства Великобритании и Испании, которые демонстративно встали на сторону США в качестве единственных союзников, столкнулись, как известно, с масштабным внутривнутриполитическим сопротивлением их военному курсу.

Похожая ситуация могла сложиться и для главного зачинщика войны – президента Буша у себя на родине. Буш думал получить для своего запланированного превентивного удара по Ираку внутривнутриполитическую поддержку общественного мнения. Однако лагерь оппозиционно настроенных демократов за его спиной, никак не выглядел сплоченным, несмотря на принятую в октябре 2002 года Конгрессом США резолюцию. Партия оказалась расколотой. Глава демократического меньшинства в Сенате Том Дэшл не увидел в речи Буша прорыва к новому и лучшему мировому порядку: «Я опечален тем, что дипломатия президента потерпела такой сокрушительный провал, что теперь мы вынуждены начинать войну», - сказал тогда Дэшл. ⁽⁴⁻³⁾

Неудачи в ходе войны в Ираке или затяжная военная кампания со многими жертвами с обеих сторон могли бы означать конец политической карьеры Буша. Одновременно это явилось бы также провалом его доктрины. Жертвой стал бы тогда не только президент, но и внешняя политика США, которая во имя реализации этой принципиально новой стратегической доктрины пошла на ухудшение трансатлантических отношений и на дестабилизацию обстановки на Ближнем Востоке.

Глава 2

Психологический портрет имперской Америки

Анализируя атмосферу уязвленной гордости Америки и неотвратимости ее «вселенской» мести своим заклятым врагам, сложившейся после 11 сентября 2001 года и звучащей практически в каждом выступлении президента Джорджа Буша, вице-президента Дика Чейни, министра обороны Рональда Рамсфелда и других членов команды президента, известный английский писатель Джон Ле Каре вскрывает истинные мотивы американского «душевного помешательства».

Америка впала в хронический психоз. Джон Ле Каре считает, что в Америке наступил очередной период исторического сумасшествия, при этом, с его точки зрения, наблюдается самый худший период, по своим масштабам превосходящий времена маккартизма, кубинского кризиса в Заливе Свиней, а в долгосрочной перспективе, возможно, более катастрофический, чем война во Вьетнаме.

Реакция Америки на теракты 11 сентября 2001 года превосходит все, на что не мог даже рассчитывать в своих человеконенавистных мечтах террорист №1 Осам бин Ладен. Так же как во времена «охоты на ведьм» и борьбы с происками «агентов Кремля», демократические свободы, благодаря которым Америка вызывала зависть всего мира, систематически ограничиваются. Удивительное соединение невероятной активности покладистых американских средств массовой информации и интересов крупных корпораций приводит к тому, что дебаты, которые должны шумно вестись на всех площадях во всех малых и больших городах, проводятся лишь на страницах прессы восточного побережья Америки – центров пребывания финансовой и политической элиты.

Ле Каре считает, что война в Ираке планировалась задолго до того, как Осам бин Ладен осуществил свои теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Выбор пал на него, чтобы сделать эту войну возможной. Не будь Бин Ладена, «ястребиной команде» Буша до сих пор приходилось бы давать пояснения по различным скользким вопросам, например: как Бушу удалось завоевать первое место на президентских выборах; какое он имел отношение к не чистой на руку компании «Энрон»; о его бесстыдном покровительстве богачам; о его циничном отношении к бедным во всем мире, к экологии и огромному количеству расторгнутых в одностороннем порядке международных договоров. Возможно, команде Буша так же пришлось бы объяснить мировой общественности, почему она поддерживает Израиль, упорно не обращая внимания на резолюции ООН. (4-7)

Однако «феномен Бин Ладена» без труда задвинул все эти вопросы на задний план как скучные, раздражающие и несвоевременные. Фирма «Буш и Компания» пребывает в эйфории. Легковерному обывателю посредством кабаллистических социологических опросов, проведенных до начала военной операции в Ираке, сообщалось, что 88 процентов американцев желают войны. На волне тотального психоза военный бюджет США был увеличен еще на 60 миллиардов долларов США и составил в 2002 году примерно 360 миллиардов долларов. Бюджет 2003 и 2004 годов даст прибавку еще на 20-50 млрд. долларов. Скоро будет создано новое поколение совершенного высокоточного ядерного оружия, поэтому американцы могут вздохнуть спокойно. Однако гораздо менее ясно, какую именно войну поддержали 88 процентов населения? Сколько она будет длиться? Сколько жизней американских граждан она потребует? Во сколько она обойдется американским налогоплательщикам? И, так как большинство из этих 88 процентов являются весьма порядочными и гуманными людьми, следует спросить, сколько жизней иракских, а заодно и американских граждан, она еще унесет?

Ле Каре уверен, что сценарий, с помощью которого президенту Бушу и его хунте удалось перенаправить гнев Америки с Осамы бин Ладена на Саддама Хусейна, является одним из величайших пиар-трюков в истории. И следует признать, что им блестяще удалось повернуть эту пиар-кампанию. Согласно результатам недавнего опроса общественного мнения, сейчас каждый второй американец считает, что Саддам Хусейн был причастен к нападению на Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке. Однако американская общественность не просто введена в заблуждение. Она запугана и держится в неведении и страхе. Одна из главных целей, поставленных руководством Белого дома, состоит в том, чтобы тщательно

организованный массовый невроз гарантировано обеспечил предсказуемое переизбрание на следующих выборах Буша и его приятелей-заговорщиков.

Буш, прикрываясь фразами из Евангелия, без устали твердит: «Тот, кто не со мной, - тот против меня». Более того, тот, кто не с ним - на стороне врага. Джон Ле Каре с негодованием отмечает подобную черно-белую логику: «это полная чушь, так как я во всем против Буша, и все же я хотел бы быть свидетелем свержения Саддама - но не в понятиях Буша и не его методами. И не под знаменем такой вопиющей лжи.»⁽⁴⁻⁷⁾

Религиозное лицемерие, которое отправило американские войска в бой, является, возможно, самым отвратительным аспектом этой войны. У Буша в Белом доме установлена с Богом постоянно действующая беспроволочная связь. При этом у личного «бушевского» Бога - особые политические взгляды. Бог предписал Америке спасти мир любым способом, который подойдет Америке. Бог назначил Израиль быть ключевым звеном американской ближневосточной политики, и любой, кто ставит эту идею под сомнение, является: а) антисемитом, б) антиамериканцем, в) врагом человечества и г) террористом. В итоге, всякого несогласного ждет электрический стул.

У персонифицированного Бога, в свою очередь, довольно-таки опасные связи. В Америке, где перед ним (но не друг перед другом) все равны, семья Бушей насчитывает одного президента, одного экс-президента, одного бывшего руководителя ЦРУ, губернатора Флориды и бывшего губернатора Техаса.

В 1993 году, когда бывший президент Джордж Буш-старший находился с визитом в Кувейте, чтобы получить благодарности за освобождение этой страны, кто-то пытался совершить на него покушение. В ЦРУ до сих пор считают, что за этой попыткой стоял Саддам Хусейн (без предъявления, разумеется, каких-либо доказательств). Это и является вечным и неоспоримым основанием для криков Буша: «Он пытался убить моего папочку!» Однако все должны уверовать в то, что в этой войне нет ничего личного и семейного. И тем не менее, несмотря ни на что, эта война кому-то нужна. Конечно, она не нужна Бушу (и Боже упаси усомниться в этом!). Она, по твердому заявлению Буша, нужна не кому-то, а самому Богу. Она ведется для того, чтобы подарить свободу и демократию угнетенному иракскому народу.

Чтобы стать членом бушевской команды-мстителей, вы непременно должны верить в Абсолютное Добро и Абсолютное Зло, и Буш, при соответствующей помощи своих друзей, семьи и, разумеется, личного Бога, расскажет вам, что все это значит. Чего Буш не расскажет вам никогда - это правду о том, почему затевалась эта война. На картонном столе бушевских игроков лежит не «ось Зла» - на столе лежат нефть, деньги и человеческие жизни. Беда Саддама заключалась в том, что он сидел на втором крупнейшем месторождении нефти в мире. Буш возжелал заполучить это месторождение, а те, кто ему помог в этом, получают свою долю нефтяного «пирога». А кто не помогал - тот и не получит.

Если бы у Саддама Хусейна не было нефти, он мог бы истязать своих граждан в свое удовольствие до самой своей смерти. Другие лидеры делают это каждый день, стоит лишь вспомнить военно-феодальные исламские диктатуры в Саудовской Аравии, Пакистане, Турции, Сирии, Египте.

Багдад не представлял очевидной и непосредственной угрозы для своих соседей, не представлял никакой угрозы для США или Великобритании. Имевшееся у Саддама оружие массового поражения, если оно у него на самом деле было, было песчинкой по сравнению с тем арсеналом, который могут обратить против него Израиль и Америка. Война нужна была Бушу не из-за непосредственной военной или террористической угрозы, исходящей из Ирака. Война была обусловлена экономическими потребностями развития Соединенных Штатов. Америке нужно было продемонстрировать свою военную мощь всем жителям планеты Земля - Европе, России, Китаю, маленькой несчастной Северной Корее, а также Ближнему Востоку. ⁽⁴⁻⁷⁾

К большому счастью для Америки, не все видные и влиятельные американские политики разделяли «благословенный Богом» всемирный крестовый поход нынешней администрации Буша. Brent Скоукрофт, бывший советник по национальной безопасности в администрации президента Билла Клинтона, считает, что в настоящий момент Америка сражается с силами, которых она не знала во времена «холодной войны», и количество противников Америки будет возрастать. Отнюдь, не являясь «голубем», Скоукрофт, тем не менее, полагает, что Иран, Ирак и Северную Корею нельзя было помещать в одну и ту же корзину с названием «ось Зла». Для каждой из проблем есть свои особые решения. Решение иракской проблемы, должно было отличаться от решения проблемы в Северной Корее.

Отвечая на вопрос журналиста из испанской газеты «Эль мундо»: «Несет ли Буш ответственность за господствующий в мире антиамериканизм?», Brent Скоукрофт высказал свою обеспокоенность по поводу внешней политики, проводимой Белым домом: «Антиамериканские настроения возникают из-за того, что мы – сверхдержава, и от нас ждут решения всех проблем. В настоящее время для всех мы выглядим воинственно настроенными, высокомерными и глухими к увещаниям, как друзей, так и врагов. Если подобное отношение сохранится, мы окажемся в изоляции и превратимся для всей планеты в мишень вымещения ненависти.» ⁽⁴⁻⁸⁾

Общество насилия и страха. Недавно американский режиссер-документалист Майкл Мур снял фильм «Боулинг для Колумбины» о кровавом событии, разыгравшемся 20 апреля 1999 года. Фильм показывает Америку как цивилизацию, воспитанную на терроре и выросшую в атмосфере сумасшествия, насаждаемого средствами массовой информации. В самом начале фильма Майкл Мур приводит следующий реальный факт: ежегодно в Соединенных Штатах 11 тысяч человек погибает от огнестрельных ранений. В стране существует больше единиц огнестрельного оружия, чем телевизоров. Продажа оружия дошла до таких крайностей, что теперь ружье можно купить в любом отделении банка, обменивая его на чеки той же самой финансовой организации.

Сюжет фильма прост и страшен. Сыграв партию в боулинг двое подростков, вооруженных огнестрельным оружием, вошли в одну из школ городка Колумбина в штате Колорадо и открыли пальбу. Они стреляли до тех пор, пока не убили 11 учеников и одного преподавателя. После этого, используя то же самое оружие, оба подростка покончили жизнь самоубийством. ⁽⁴⁻⁹⁾

День кровавого преступления совпал с датой, когда войска НАТО разбомбили в Белграде одну из школ и больницу, квалифицировав результат неточного попадания ракет как второстепенные потери. Американская пресса откликнулась на события в штате Колорадо. В ряде публикаций говорилось о том, что бойня в Колумбине стала результатом нездорового влияния, которое оказывают телевидение, видеоигры и такие зловещие рок-музыканты, как Мерлин Менсон на неокрепшее сознание подростков. Но ни одно из средств массовой информации не вспомнило тогда, что большая часть вооружений НАТО, использованных для проведения 25 тысяч бомбардировок Косово, была изготовлена на оружейном заводе в Литлтоне, всего в нескольких километрах от места кровавого побоища. В тот момент все забыли, что каждую ночь через центр этого мирного городка проезжали вереницы трейлеров со смертоносным оружием. Именно об этих странных совпадениях и говорит в «Боулинге для Колумбины» Майкл Мур.

В своем фильме Мур показывает Америку как цивилизацию, воспитанную в страхе. Этот страх трансформируется в боязнь нападения в любой форме, и становится своеобразной коллективной паранойей, охватившей все американское общество, одержимое соблюдением личной и национальной безопасности. И это болезненное ощущение, в конце концов, подрывает все устои свободного общества. При этом пищу для поддержания этого сумасшествия постоянно подбрасывают телевидение и пресса. Паранойя, охватившая сегодня все Соединенные Штаты, воспринимается Муром как болезнь, диагноз которой он ставит безжалостно и профессионально. При этом Мур, осознавая себя американцем со смешанным чувством гордости и стыда, мастерски передает поток противоречивых чувств, рожденных этим осознанием.

В «Боулинг для Колумбины» Мур включает эпизод из мультсериала «Южный парк», персонажи которого рассказывают историю возникновения Соединенных Штатов, на фоне которой ведется рассказ о появлении и распространении оружия среди американцев. Зритель с неотвратимой логикой приходит к главному выводу, что **с того самого времени, как Соединенные Штаты перестали довольствоваться ролью простой нации и пожелали превратиться в империю, параноидальная страсть к оружию превратилась во вселенский крестовый поход за обеспечение собственного превосходства, поддержание политических привилегий и укрепление экономического господства.** И одним из ключевых моментов этого крестового похода было производство оружия. В одной из сцен фильма Мур спрашивает группу простых американцев, существует ли, по их мнению, определенная связь между повсеместным распространением огнестрельного оружия внутри Соединенных Штатов и применением высокоточных ракет для разрешения международных конфликтов. Большинство опрошенных американцев никакой зависимости увидеть не смогли. ⁽⁴⁻⁹⁾

Для большинства граждан Америки убийства с применением огнестрельного оружия являются результатом пагубного влияния аудиовизуального насилия, а бомбы на вооружении американской армии - это гарант безопасности их страны. Результаты опроса с очевидностью показали, что простых американцев невозможно заставить понять наличие связи между насилием внутри и вне страны. Подобные выводы показывают, что большинство из них будет не в состоянии уяснить для себя, что черты сумасшествия, толкнувшего подростков устроить в

Колумбине бойню, не настолько уж отличаются от дипломатического авантюризма, заставившего президента Джорджа Буша-младшего и его «ястребиную» команду воспользоваться «подозрениями» о наличии оружия массового уничтожения у Саддама для оправдания войны против Ирака. Поиски этого оружия продолжаются до сих пор и после окончания войны.

«Америка всегда побеждает!». Милитаризация повседневной жизни рядовых американцев, помимо постоянного чувства страха с рецидивами паранойи, является безусловно важнейшим фактором воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, и, как следствие, в духе имперского превосходства.

На страницах «Корьере делла сера» журналист Гоффредо Буччини дал красочный групповой портрет современной американской молодежи, сделав акцент на ее отношении к иракской войне, затеянной президентом Бушем.

В качестве примера - одна из сценок в Нью-Йорке. Домашний ужин в обычной американской семье. Семилетний мальчик, широко раскрыв глаза, смотрит на страшные усы Саддама по телевизору. «Не бойся, - говорит его двоюродный брат, которому почти шестнадцать, - мы все равно победим». «А ты откуда знаешь?» - недоверчиво спрашивает малыш. «Просто мы всегда побеждаем», - отвечает старший, спокойно откусывая кусок пиццы. ⁽⁴⁻¹⁶⁾

Вторая половина дня, кинотеатр в пригороде Нью-Йорка. На тротуаре группа пожилых пацифистов с зажженными свечами и антивоенными плакатами. За кассой Эндрюс, учащийся лицея, недоуменно пожимает плечами: «Я не понимаю, почему старики протестуют. Не можем же мы допустить, чтобы Саддам продолжал свои делишки. Многие мои школьные товарищи не любят войну. Они даже говорят, что Буш немного глуп. Однако мы чувствуем, что все равно должны его поддержать».

Сценка в Денвере, штат Колорадо. На концертной площадке Эдди Уеддер, солист группы «Перл Джэм». Напялив маску Буша на стойку микрофона, он начинает петь антивоенную песню из нового альбома. Сразу же раздается улюлюканье и свист, кто-то направляется к выходу, и за несколько минут десятки подростков в знак протеста покидают зал. Не помогло даже извиняющиеся предупреждения группы перед концертом: «Сразу проясним: мы поддерживаем армию». А вот Мадонна вовремя поняла ситуацию и поступила очень мудро, сняв с показа по телевидению свой новый антимилитаристский видеоклип. Даже Джимми Хендрикса, который в 1969-м в Вудстоке выдал свое знаменитое исполнение национального гимна на гитаре, сегодня могли бы забросать тухлыми помидорами.

Когда в Лос-Анджелесе поднялись волнения из-за избиения чернокожего механика Родни Кинга белыми полицейскими, некоторые из этих молодых людей только родились, а другие только научились говорить. Они едва ли знают, кто такие О.Дж. Симпсон и принцесса Диана. Они воспитывались на событиях 11 сентября 2001 года, позволивших Бушу-младшему одновременно запугать и сплотить вокруг американских идеалов свободы и процветания всю нацию, и молодежь в первую очередь. Америка сейчас напоминает марширующую армию, в рядах которой 42 миллиона американцев в возрасте от 12 до 24 лет. Два из

каждых трех молодых американцев «болеют» за Буша так, как будто он знаменитый баскетболист Мэджик Джонсон.

Они не имеют представления о мире, который 20 лет назад был разделен Берлинской стеной с двумя сверхдержавами по обе ее стороны. Их детство и юность прошли в однополярном мире, где Америка считает нужным вмешиваться не только в ситуацию в Ираке, но и в опереточный пограничный «кризис» между Марокко и Испанией из-за крошечного островка в Гибралтарском проливе. Они из поколения Джессики Линч, девушки-солдата, которая девять дней находилась в руках «саддамовских извергов» во время недавней войны в Ираке. Американская пропаганда сделала из нее образ мученицы, национальной героини масштаба Жанны Д'Арк или Зои Космодемьянской.

Интересными психологическими наблюдениями делится историк-демограф Нэл Хоу: «Джессика - это типичный представитель поколения, которое многие называют «Б», потому что оно следует за поколением «А». Это поколение я называю «милленниел». Они выросли, находясь в центре внимания взрослых, и поддерживают ценности взрослого мира, его государственность, с еще большим энтузиазмом, чем их родители». Один из старых лозунгов в Америке во времена двухполюсного мира звучал так: «Не верь тому, кому за тридцать». По словам Хоу, «никогда молодежь не относилась так положительно к людям старшего поколения, как новые «милленниел». Даже если они находят в политических лидерах недостатки, то все равно понимают, что правительство действует в их интересах. Почему? Да потому что они выросли в обществе, которое стремилось создать «золотую» молодежь, в обществе, где все государство посвящало себя им. И внимание к молодым до сих пор огромное. Во время войны во Вьетнаме я не помню ни одного сообщения о детях воюющих солдат. Сейчас же только о них и речь».⁽⁴⁻¹⁶⁾

Современные молодые американцы не обязательно являются поборниками войны, но в них проявляется больше общего с их дедушками и бабушками из «великой породы» - поколения Второй мировой войны, чем с послевоенным поколением «бэби бумер», к которому принадлежат их родители. Одним словом подтверждается известный феномен проблемы поколений: отход детей от отцов и матерей, и сближение внуков с дедушками и бабушками.

50-летний Дон Шиффлер хорошо помнит мир, разделенный надвое и страх перед ядерной войной, который заставлял их поднимать пацифистские плакаты: «Время нашего движения можно определить одним словом – Вьетнам.». Сьюзан Макманус, профессор политологии, так объясняет разрыв между поколениями: «Молодежь фокусируется на событиях 11 сентября, а не на войне тридцатилетней давности и не на «холодной войне». Крис Спроул, студент Стентонского университета, говорит: «Мы многому научились у наших дедов. Они пережили Перл-Харбор, а мы - 11 сентября. Мы поняли, что на нас лежит ответственность, что мы должны защищать страну». Друзья и коллеги Криса переживают переоценку ценностей. Во многих американских университетах происходит изменение стереотипов. В коридорах видны желтые ленты, напоминающие о пропавших без вести солдат и патриотические лозунги, типа: «Поддержим наши войска». Правда, следует признать, что перед входом в классы студенты оставляют все это в ящичках, потому что «учителя, как известно, настроены либерально», да и экзамены уже на

носу. Такое поведение тоже можно назвать протестным, но это скорее протест против учителей, которые выступают против войны.

Марк Хертсгардс, автор книги «Тень орла: почему мир любит и ненавидит Америку», утверждает, что понятие «сверхдержавы» после событий 11 сентября потеряло актуальность. 11 сентября пробудило в молодых американцах патриотизм, что не удалось сделать рейгановской пропаганде в борьбе против советской «империи зла». Непобедимый, со стальными мускулами Рембо стал последним, успешным продуктом «холодной войны». Придумавший его писатель, Дэвид Моррел, вспоминает, что успех основывался на «настроениях 70-х годов: война во Вьетнаме закончилась для Америки с позором, и фильмы отражали поражение и стыд. Для блестяще сыгравшего свою последнюю роль президента».⁽⁴⁻¹⁶⁾

А для двадцатилетних ребят 80-х годов Рембо был уже «мусором», американским подобием Брюса Ли. После 11 сентября отношение американской молодежи к армии радикально изменилось. Журнал «Тайм» комментировал эти изменения: «война нарушает не только равновесие власти, но также меняет представления о том, что «круто». Это и куклы солдата Джо, которые стали более популярными, чем коллекционные модели Барби, и значительный рост аудитории достаточно посредственного военного сериала «Джэг»».⁽⁴⁻¹⁶⁾

Согласно исследованиям фонда Харриса, только 8 процентов подростков считают, что не было достаточных оснований для войны против Саддама. При этом лишь 9 процентов признали версию о том, что эта война была затеяна лишь для того, чтобы принести демократию в Ирак. Результаты социологических опросов в США свидетельствуют - американцы моложе 35 лет, меньше всего ходят на выборы. Парадокс состоит в том, что, несмотря на возрастную аполитичность, эти молодые американцы горячо любят свою родину и очень патриотичны.

Накануне войны в Ираке журналист Гоффредо Буччини зашел в закусочную близ Детройта. Хозяин закусочной решил разрекламировать свое заведение, водрузив куклу гигантского медведя с табличкой «Занимайтесь гамбургерами, а не войной». Для Америки это, конечно, не ново, но для рекламы оригинально. Внутри он встретил своего знакомого Дена Мартина, студента-юриста. Он ел и рассуждал, почему мир до сих пор не принял конституцию Соединенных Штатов в качестве основного закона. И немного подумав, решительно изрек: «Так было бы лучше для всех».⁽⁴⁻¹⁶⁾

Глава 3

Однополярный мир – соблазн американской империи

«Мы являемся сторонниками многополярности, когда мы можем, и поборниками однополярного мира, когда это нужно».

Билл Клинтон

«Полагаю, что мы стоим на пути к еще большей свободе и демократии, с которого невозможно свернуть. Но все может измениться».

Из высказываний Джорджа Буша-младшего,
22 мая 1998 г.

Сколько в мире полюсов. Международная политика второй половины 20-го века определялась главным образом соотношением сил и интересами двух ведущих сверхдержав мира – Соединенными Штатами и Советским Союзом. Америка была бесспорным лидером среди высокоразвитых государств капиталистического мира, а Советский Союз являлся оплотом мирового социалистического лагеря. Китай и Индия в то время существенно отставали от ведущих стран мира по своему экономическому развитию и не играли определяющей роли при решении ключевых мировых проблем. Наличие ракетно-ядерного оружия у Соединенных Штатов и Советского Союза вместе со стратегией сдерживания, осуществляемой этими государствами, позволяло на протяжении почти полувека поддерживать мирное сосуществование противоборствующих мировых систем и не доводить мир до ядерной катастрофы. Мир был биполярным или двухполюсным, стратегически уравновешенным и поэтому в значительной мере предсказуемым. Региональные конфликты и войны, время от времени вспыхивавшие на разных континентах мира, не приводили к радикальному сдвигу равновесия в международных отношениях.

Однако, после распада Советского Союза и краха мировой коммунистической системы биполярное равновесие, существовавшее в период «холодной войны», было резко нарушено. Последствия этого эпохального события до сих пор еще далеки от фазы стабилизации. По своему характеру они чем-то напоминают трудно предсказуемые подвижки земной коры после сильного землетрясения. Не имея других, равных себе по совокупной мощи соперников, на первое место естественно и уверенно вышли Соединенные Штаты Америки. С тех пор, мир из биполярного стал однополярным. Казалось бы вопрос о том, «сколько в мире полюсов», лишен смысла, поскольку ответ очевиден. Но этот простой вывод следует только с точки зрения простой логики. На самом деле, в силу сложного переплетения международных интересов, интенсификации глобализационных процессов, охватывающих экономические, финансовые, информационные, гуманитарные, миротворческие и многих другие сферы деятельности мирового сообщества, ответ не является достаточно очевидным. Появление на мировой арене новых динамичных участников глобализационного процесса – Китая и Индии, постепенное, хотя и медленное «выползание» из обвального кризиса России, нарастание системных трудностей в обеспечении устойчивых темпов экономического развития наиболее развитых государств мира, неравномерное распределение природных ресурсов на Земле, демографические и экологические проблемы, распространение наркотиков и инфекционных заболеваний, а также угрозы миру со стороны международного терроризма не позволяют однозначно и просто ответить на поставленный вопрос. Тем более, что президент супердержавы мира официально заявил о своих претензиях на лидерство в однополярном мире, понимаемым им как Американская империя 21-го века – «Пакс Американа». Однако, помимо мнения Буша, в мире существуют и другие представления о более справедливом и уравновешенном мировом сообществе, в котором уже существуют или

могут появиться новые центры силы. Поэтому вопрос: «сколько же в мире полюсов», требует дальнейшего и серьезного рассмотрения.

Блэр – против многополярного мира. В том случае, если руководители ведущих стран Запада не договорятся по «фундаментальному вопросу» атлантических отношений и будут продолжать поддерживать напряженность, как это было недавно в блоке западных государств в дискуссии по проблеме Ирака, в Европе может начаться своего рода «холодная война» 21-го века, но уже внутри единого демократического и капиталистического союза.

Великобритания, с присущей ей исторической ролью межатлантического посредника, пытается сбить пламя, намечающегося европейского «пожара». Уже 28 апреля 2003 года британский премьер-министр Блэр подтвердил свою приверженность Вашингтону в своем ответе корреспонденту германской газеты «Ди Вельт» (Die Welt) в ходе ежемесячной пресс-конференции, посвященной проблеме атлантического единства: «Европа как союзник в плане стратегического партнерства не является по отношению к США соперником. Отношения, базирующиеся на соперничестве, привели бы нас к тому расколу, с которым, как мы думали, покончено после завершения «холодной войны»⁽⁴⁻⁴⁾.

В другом интервью, данном британской газете «Файнэншэл Таймс», премьер Блэр резко отрицательно отозвался по поводу идеи Франции относительно «многополярного» мира как важного властного противовеса США. Блэр, и независимо от него министр иностранных дел Стро, подвергли острой критике такой ход мыслей. Решающим властным полюсом является, по словам Блэра, стратегическое партнерство между Европой и США. «Я не хотел бы, чтобы Европа встала в оппозицию к США. Это было бы опасно и привело бы к дестабилизации. Подобные новые многополярные центры превратились бы вскоре в соперничающие властные центры с тенденцией настраивать друг против друга, как это было в период «холодной войны».

Логика рассуждений британского премьера не может не вызвать удивления. Ведь хорошо известно, что именно во времена «холодной войны», т.е. в условиях биполярного мира, европейские страны дружно вместе с Америкой выступали единым блоком против коммунизма, забывая надолго о своих межевропейских старых «болячках».

На вопрос корреспондента «Ди Вельт», нет ли противоречия и в британской политике, когда она, с одной стороны, призывает к укреплению Европы, но потом каждый раз, когда заходит разговор о шагах в этом направлении, предостерегает от соперничества с Америкой, Блэр еще раз повторил свое кредо: «Конечно, Европа должна стать сильнее, иметь большее влияние в мире, но только в качестве союзника и партнера США».

По поводу проходившего 29 апреля 2003 года в Брюсселе саммита «четверки» в составе Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга по вопросу более четкого определения оборонного и военно-политического профиля ЕС Блэр не нашел сказать ничего, кроме того, что следует «подождать, что из этого получится». Заставляет ли его задуматься то обстоятельство, что он не был приглашен на встречу? Ответ Блэра прозвучал несколько насмешливо, но достаточно остроумно: «Там встречаются четверо, но в НАТО 15 членов, насколько я понимаю. Одним словом, с приглашением они обошли не только меня»⁽⁴⁻⁴⁾.

Примечательно, что в тот же день, 29 апреля 2003 года, глава британского правительства встретился для переговоров с российским президентом Путиным в Москве. По оценке Блэра, большое пространство общих интересов Европы и США, выпавшее в настоящее время из поля зрения, находится в опасности. В это пространство он отнес и совместные планы на будущее, связанные с борьбой против терроризма, поиск формулы мирного существования на Ближнем Востоке, а также вопросы мировой торговли. Последнее, по мнению британского премьера, может стать причиной еще больших проблем, которые предстоит решать общими усилиями. По этому поводу возлагались определенные надежды на саммит «большой восьмерки», запланированный на 1 июля 2003 года, который должен внести дальнейшую ясность в позиции различных сторон.

Разногласия в европейском союзе вызвали на Даунинг-стрит такую озабоченность, что это повлияло на обычную дипломатичную манеру Блэра в изложении своих мыслей. Его прямые выступления превратились в своеобразную программу, не требующую двойного понимания. «Я не считаю нужным приукрашивать положение дел с разногласиями, - сказал британский премьер корреспонденту «Файнэншэл Таймс». - Скорее мы должны говорить об этом со всей откровенностью». Тем не менее Тони Блэр не склонен считать что Францию следует наказать за ее активную оппозицию американо-британским действиям в Ираке.

Премьер также опроверг все спекуляции относительно возможной военной интервенции в Северную Корею, Сирию или Иран. Таких планов не только не существует, сказал Блэр, они не нашли бы поддержки и со стороны британцев. Тони Блэр не считает «неожиданностью» то, что в Ираке пока не обнаружено оружие массового уничтожения. В конце концов, у режима Саддама перед возвращением военных инспекторов было шесть месяцев времени, чтобы спрятать все, что ему инкриминируется, и спрятать так хорошо, что после этого был снят вопрос о применении этого оружия даже против войск коалиции. Из тысячи возможных точек хранения этого оружия проинспектированы только семь, и еще предстоит громадная работа по стабилизации обстановки в Ираке в административном и гуманитарном плане.

Раскол в Европе имеет неприятные последствия для настроений среди британских избирателей. Согласно последнему опросу, проведенному авторитетным институтом исследования общественного мнения «MORI», 55% британцев видят во Франции «ненадежного союзника», в то же время 73% считают «самым надежным» союзником США. Это не может не иметь последствий для европейской политики Блэра.

Однополярный мир невозможен. В комментарии известного французского юриста-правоведа Даниэля Суле-Лявивьера под заголовком «Неизбежное поражение идеи однополярного мира», опубликованном в номере газеты «Либерасьон» (Liberation) за 18 апреля 2003 года, в частности, отмечается: «Месяц назад, в тот самый момент, когда началось вторжение американцев в Ирак, в Берлине состоялась первая генеральная ассамблея Международного уголовного суда, на котором были приняты важные решения, в частности были избраны судьи и определен состав исполкома суда. Изумительное совпадение двух событий: с одной стороны, реализация имперской идеи американской однополярности, а с

другой стороны - кропотливая работа юристов-правоведов всего мира с целью укрепления основ международного права.»⁽⁴⁻⁵⁾

Скептики отмечают: война США в Ираке показала, что у Международного уголовного суда не так уж много шансов превратиться в эффективный международный институт. В июле 1998 года было подписано Римское соглашение о создании Международного уголовного суда, и хотя в период президентства Билла Клинтона США поставили свою подпись под этим документом, администрация Буша фактически дезавуировала согласие американской стороны. Возникают естественные вопросы. Не станет ли война США в Ираке, осуществленная без решения ООН, разрушительной для этой организации? Не возвращается ли мировое сообщество вновь к ситуации, когда доминирующая держава силой оружия пытается установить в мире свое господство? **Кто являются реально мыслящими политиками? Американцы и их коалиция или же те юристы, которые являются поборниками идеи многополярного мира, основанного на верховенстве международного права.**

Все попытки утвердить свое господство путем применения силы, предпринятые до сих пор в мировой истории, завершались провалом - начиная с Римской империи и заканчивая Оттоманской. Чем больше проходит столетий, тем менее впечатлительны успехи сторонников установления господства, основанного на применении силы. Советский Союз, возглавлявший мировой социалистический лагерь, просуществовал столько же, сколько Третья Республика во Франции (1871-1946). Весь вопрос в том, сколько лет просуществует Американская империя - «Пакс Америгана» (Pax Americana)? Попытки установления однополярного мира с помощью грубой силы еще более вдохновляют различных диктаторов, которые убеждаются, что применение силы всегда оправдано вне зависимости от того, является ли природа этой силы демократичной или тиранической.

Тему отказа США признать полномочия Международного уголовного суда подверг обсуждению также обозреватель «Либерасьон» Марк Семо.⁽⁴⁻⁵⁾ В своем комментарии под заголовком «Правосудие по-американски для военных преступлений», опубликованном в номере газеты за 18 апреля 2003 года, автор, в частности, писал: «Джордж Буш пообещал, что «День освобождения Ирака станет одновременно днем торжества правосудия. Он победил в этой войне, и теперь администрация США собирается судить руководителей свергнутого иракского режима как военных преступников. Причем США хотят их судить, не прибегая к помощи международных юридических инстанций». Президенту вторил и посол США по особым поручениям в области военных преступлений Пьер Ричард Проспер: «Мы считаем, что иракских преступников необязательно судить в Международном уголовном суде».

11 апреля 2003 года министерство юстиции и госдепартамент США провели в Вашингтоне совещание с участием тридцати иракских юристов, на котором обсуждалась данная проблема. Американские власти составили список, в котором значились имена около 50 иракских руководителей. Список возглавляли шесть человек, в том числе Саддам Хусейн и два его сына, которым вменялось в вину большое число преступлений. В частности, они отдавали приказы о физическом устранении людей, о применении пыток и осуществлении атак против курдов на севере Ирака и во время войны с Ираном с использованием химического оружия. Перечень этих преступлений позволял

квалифицировать их деяния как преступления против человечности, или как акты геноцида.

В США обсуждали возможность того, что бывших иракских руководителей будут судить американские военные трибуналы. Американцы сообщали, что уже возбуждены уголовные дела по фактам плохого обращения иракских властей с военнопленными и по фактам использования населения Ирака в качестве «живого щита». Бывший представитель администрации Клинтона заявлял в «Вашингтон пост», что США должны по меньшей мере включить в состав этих трибуналов «судей или прокуроров из Великобритании, Австралии и арабских стран». При этом американский посол Пьер Ричард Проспер выдвинул предложение, что США предпочли бы, чтобы бывших иракских руководителей судил иракский трибунал, а международное сообщество оказало бы правовую помощь в осуществлении правосудия.

Однако многие юристы сомневаются в способности эффективного функционирования иракского суда даже с иностранной помощью. Международные организации «Хьюмэн Райтс Уотч» (Human Rights Watch) и «Эмнести Интернэшнел» (Amnesty International), которые в течение долгих лет осуждали вопиющие нарушения прав человека со стороны режима Саддама, призывают провести судебный процесс на международном уровне. Их требование, скорее всего, не будет услышано. США и Ирак, как известно, не признали полномочий Международного уголовного суда. Совет Безопасности ООН мог бы учредить новый Международный суд по преступлениям иракского режима, как это было в 1993 и 1994 годах для расследования преступлений, совершенных в бывшей Югославии и Руанде. Однако пока ни Франция, ни Россия, ни США не проявляют интереса к созданию такого суда".

Доктрина Рамсфелда – военно-силовой фундамент империи Pax Americana. После победоносного завершения в далеком Ираке операции-блицкрига «Шок и трепет» министр обороны США Дональд Рамсфелд намерен теперь обратить свое внимание на дела, более близкие к его родному Пентагону, и заняться переустройством американской военной машины. И в этом он получил твердую поддержку президента Буша.

Еще два года назад Рамсфельд, выражал свое неудовольствие в адрес старой военной бюрократии в Вашингтоне, доставшейся ему в наследство от прежней администрации Билла Клинтона. Преодолевая сопротивление «старой гвардии» в Пентагоне, он в то время занимался подготовкой издаваемого раз в четыре года доклада «О военном положении Соединенных Штатов». Сегодня, после войны в Ираке, Рамсфельд является настолько могущественным человеком в окружении Буша, а его концепция будущих войн настолько хорошо подтвержденной, что он, вероятно, сумеет преодолеть внутреннюю оппозицию и, наконец, подготовить вооруженные силы США к войнам 21-го века в условиях Нового мирового порядка по американскому образцу. Но будет ли она жизнеспособной для осуществления амбициозных имперских планов вашингтонской администрации – это еще не очевидно. По крайней мере, так считает старшим научный сотрудник Брукингского института Майкл О'Хэнлон.⁽⁴⁻⁶⁾

Сейчас сторонники этой точки зрения наперебой восхваляют гений Дональда Рамсфелда. Вне всякого сомнения он и самый влиятельный член в администрации президента Буша после эпохи многоопытного Генри

Киссинджера; он и самый сильный министр обороны после военного топ-менеджера, человека-компьютера Роберта Макнамары; он и самый творческий военный стратег после легендарного генерала Дугласа Макартура; он и самый прямой в своих высказываниях политик со времен твердокаменного Уинстона Черчилля.

Они также высказывают предположения, что доктрина силового превосходства, которую до последнего времени поддерживал государственный секретарь США Колин Пауэлл, вскоре уступит место новой доктрине Дональда Рамсфелда, которая делает упор на высокие технологии, силы специальных операций и научно-техническую интеллигенцию, как главные факторы достижения победы в войнах будущего.

На протяжении целого десятилетия строительство вооруженных сил США велось с прицелом на способность ведения одновременно двух больших региональных войн. Теоретически, такие войны могли бы происходить в любой точке земного шара. На практике всякий специалист понимал, что Пентагон думал главным образом о Северной Корее Ким Чен Ира и Ираке Саддама Хусейна.

Поскольку одного из этих противников теперь не стало, прежние обоснования для планирования состава сил частично рассыпались. Тем не менее, доктрина одновременного ведения двух войн остается неизменной для Соединенных Штатов. Но вопрос, какие это две войны и какие другие военные миссии должна одновременно осуществлять Америка, сегодня открыт для дискуссий.

Те, кто попытались проинтерпретировать на свой манер новую доктрину Рамсфелда, предлагают ряд четких руководящих принципов, носящих, однако, преимущественно академический характер. Они исключают планы переустройства государств на демократической основе вместе с миротворческими операциями, но берут в расчет возможные упреждающие удары против Сирии, Ирана и Северной Кореи. В долгосрочной перспективе ими видится вероятная борьба с гегемонистскими устремлениями Китая. Войны будущего представляются ими в виде операций космических, ракетных, военно-морских и военно-воздушных сил, нежели действиями сухопутных армий по сценариям прошлых стратегий.

Дональд Рамсфелд, как человек, который реально отвечает за оборону Америки, понимает лучше, чем кто-либо другой, что имеются практические ограничения для рассуждений подобного рода. Он считает, что Америка не может немедленно уйти из Ирака. Одно лишь только это обязательство может потребовать присутствия в Ираке, как минимум, двух американских дивизий в течение, по меньшей мере, двух лет. Для поддержания стабильности в Афганистане на неопределенное время должна оставаться задействованной одна усиленная бригада сухопутных войск. То же самое относится и к Балканам. В ходе войны против международного терроризма остаются реальными или возможными и другие, не столь крупные, военные миссии, в частности, на Филиппинах и в других уголках планеты. Вероятная война на Корейском полуострове, по-прежнему, остается предметом озабоченности Белого дома, для ведения которой потенциально может потребоваться от шести до восьми боевых дивизий. Таким образом, уже сейчас эти реальные миссии и возможные сценарии требуют, по меньшей мере, 10 боеготовых дивизий.

При этом следует напомнить, что в настоящее время в сухопутных войсках США имеется 13 активных дивизий.

Однако, в условиях плохо предсказуемых акций международного терроризма, Америка будет сталкиваться со всякими неожиданностями. Действительно, может ли Пентагон исключить вероятность проведения в какой-то момент возглавляемой НАТО операции по стабилизации обстановки в Кашмире? И, если, к примеру, Индия категорически не желает поддерживать подобную идею сегодня, то в случае вероятной войны с Пакистаном, которая приблизит или даже перейдет ядерный порог, обстоятельства могут измениться. При этом гипотетически вместо Индии к Соединенным Штатам может обратиться и правительство Пакистана с просьбой о помощи в деле восстановления стабильности, пока начавшаяся гражданская война не привела к расколу страны и, как следствие, - к потенциальной утрате безопасности ее ядерного арсенала.

В приведенных выше примерах участие Америки в вероятной военной миссии не решало бы задачи изменения политического строя этих стран, или вмешательство в их экономику. Это в первую очередь касалось бы защиты жизненно важных интересов национальной безопасности США.

Как предполагает сотрудник института Брукинга Майкл О'Хэнлон, министр обороны Рамсфелд, возможно, несколько изменит военную машину США. У него имеются все средства, чтобы осуществить незначительные сокращения численности личного состава и бюджета армии, используя высвободившиеся фонды для финансирования прежде всего наиболее высокотехнологичных проектов. Однако перемены, вероятно, будут выражаться величинами порядка 5-10% от прежних показателей.⁽⁴⁻⁶⁾

Бесспорно, что сегодня Рамсфелд горделиво возвышается над миром, при доминирующей роли Америки. Однако неправильно выбранная стратегия строительства вооруженных сил Соединенных Штатов может для него закончиться политическим провалом. Пойдет ли он на поводу у военных идеалистов, мечтающих о кибервойнах будущего, или будет больше прислушиваться к приземленным прагматикам, умеющим считать реальные расходы гигантской военной машины США в условиях Нового мирового порядка – решать самому Рамсфелду. И он достаточно умен, чтобы принять правильное решение.

Непобедимая, но уязвимая империя. Если на борцовский помост вызвать слона и мышь, то всякому понятно, что слон в этом поединке непобедим. Слишком разные весовые категории. Более того, слон может нечаянно раздавить мышь и даже этого не заметить. Но слон при этом остается уязвимым, если мышь, в нарушении правил, случайно залезет в его ухо. Более того, мышь может победить слона, доведя его до безумия от собственной беспомощности. Любая сила уязвима, и Америка – не исключение.

Как это не покажется странным, приведенный «спортивный» пример имеет отношение к проблеме современного полярного мироустройства, поскольку Америка, являясь сверхдержавой, одновременно является членом важнейших международных организаций, которые накладывают серьезные ограничения на единоличные действия Вашингтона. Таким образом, более слабые, но выступающие солидарно, могут уравновешивать, а порой и нейтрализовать действия сильного.

Известный политолог, директор по научной работе Парижского центра международных исследований Пьер Хаснер в интервью французскому еженедельнику «Экспресс» подверг серьезному анализу проблему однополярности мира с точки зрения ведущих государств мира и в первую очередь с точки зрения интересов США, как ведущей державы мира.

Отвечая на вопрос: «готовы ли США по-прежнему сотрудничать с международными организациями?», Пьер Хаснер привел известную формулу времен администрации Билла Клинтона: «Мы являемся сторонниками многополярности, когда мы можем, и поборниками однополярного мира, когда это нужно» и продолжил: «У Буша все наоборот: американцы при нем являются сторонниками однополярного мира, когда они могут, и защитниками многополярного мира, когда это им нужно. Сегодня для отмены санкций в отношении Ирака американцы нуждаются в поддержке ООН, так как именно эта организация в свое время приняла резолюцию по данному вопросу.»⁽⁴⁻¹³⁾

В отношении жизненности оси Париж-Берлин-Москва и ее реальной способности восстановления многополярного мира, французский политолог высказался отрицательно. Он считает, что, несмотря на заявления президента Путина, Москва вряд ли намерена сейчас строить многополярный мир. С другой стороны ось Париж-Берлин-Москва, практически исчерпала свой антиамериканский потенциал, поскольку каждая из входящих в нее стран пытается сегодня примириться с Вашингтоном. Тони Блэр играет роль посредника между американцами и европейцами, Шредер делает то же самое для примирения самого Блэра с Шираком. В свою очередь, Ширак звонит Бушу. Путин жмет руки Шредеру и Шираку, встречается семьями с Блэром, не упуская возможности загонять его в угол своими ехидными вопросами об Ираке, радостно улыбается Берлускони. Все перепутано и заверчено в дипломатической круговерти. Пьер Хаснер также скептически относится к возможности создания коалиции, которая могла бы стать противовесом США, хотя не исключает в будущем коалицию, формирующуюся вокруг Китая.

На вопрос, «считает ли он, что США, способствовавшие восстановлению Европы после Второй мировой войны, сегодня так же хотели бы усиления Европы?», Хаснер ответил отрицательно. На словах - Америка за сильную Европу, на деле - Америку устраивает Европа слабая и раздробленная. Подтверждение своей точке зрения политолог видит в эволюции имперского мышления Америки. Вопреки классической логике традиционных империй, которые разделяли своих противников, чтобы осуществлять власть над ними, Соединенные Штаты, действительно, способствовали созданию Евросоюза. Однако, после появления «общего рынка» Европа стала превращаться в серьезного соперника Америки. И уже в период президентства Кеннеди и Никсона эта политика стала более двусмысленной. При этих президентах Соединенные Штаты вначале поощряли экономическую Европу, в ущерб военной, но под влиянием Киссинджера стали поддерживать военную Европу вместо экономической.

Но в настоящее время Америка вернулась к классической имперской тактике: разделяй и властвуй. Еще вчера Вашингтон призывал Европу выступать с единой позиции, а сегодня Белый дом предпочитает договариваться отдельно то с одной, то с другой стороной. За спиной Франции и Германии США ведут переговоры с

Испанией, Великобританией и Италией, а также с новыми странами, вступающими в Евросоюз, в частности с Польшей, которой неожиданно предоставили режим наибольшего благоприятствования в Ираке, унизив при этом Германию.

На вопрос, «возможен ли синтез в умах американцев, после событий 11 сентября, когда Америка оказалась с одной стороны в роли жертвы, и с другой стороны после войны в Ираке, когда США выступила в роли победителей?», Пьер Хаснер также высказался отрицательно. Он считает, что в настоящее время все запуталось, и **американцы чувствуют себя одновременно и уязвимыми, и непобедимыми: «Они не понимают этого внешнего мира, который в их глазах похож на планету Марс. С одной стороны, они являются невинными жертвами 11 сентября, а с другой стороны, сегодня, после вторжения в Ирак, они являются непобедимой сверхдержавой. Это очень взрывоопасный коктейль. Но я полагаю, что рано или поздно, несмотря на это желание реванша, появится защитная реакция против любой имперской авантюры».**

На вопрос: «Изменит ли война в Ираке мировой порядок?», последовал ответ: «Она, бесспорно, изменит расстановку сил на Ближнем Востоке. Мировой порядок был изменен, прежде всего, распадом СССР, когда США остались единственной сверхдержавой. Вторая веха в истории - это теракты 11 сентября. Третий важный этап - это войны в Афганистане и Ираке». ⁽⁴⁻¹³⁾

На последний вопрос: «Не кажется ли Вам, что война в Ираке похоронила идею многополярного мира?», Пьер Хаснер ответил, что он так не думает, и что можно говорить о многополярности, когда заходит речь о том, вести ли войну или сохранять мир. С его точки зрения, более уместно говорить о многополярности, когда говорят об экономических связях или о сотрудничестве правоохранительных органов в борьбе против терроризма. В завершении интервью Пьер Хаснер продемонстрировал традиционную французскую гордость и независимость, заявив: «Но если нужно решать, надо ли идти убивать или самим придется погибнуть, то это является суверенным правом выбора каждого государства, в том числе Великобритании, Франции или Германии...» ⁽⁴⁻¹³⁾

Глава 4

Планета Земля в железных щупальцах Пентагона

Заморские легионы империи. По планам Пентагона после завершения военной операции «Свобода для Ирака», американские войска, вероятнее всего, останутся в Ираке на ближайшие месяцы или даже на годы. Таким образом, Ирак пополнит внушительный список стран, в которых американское присутствие непосредственно подкрепляется ее военной мощью.

Военное присутствие США во всех частях света стоит американским налогоплательщикам более 300 миллиардов долларов в год. Некоторые критики опасаются, что клгда содержание и обеспечение войск, разбросанных по всему миру, будет обходиться очень дорого, возникнет эффект «слишком большой империи», который в прошлом

подорвал таких гигантов, как Римская империя, империи Чингисхана и Наполеона.

Одним из наследий «холодной войны» является почти стотысячный американский военный контингент в Европе. В Германии находятся 78 тысяч военнослужащих и 60 боевых самолетов, в Италии - 12 400. В Великобритании проходят службу 9200 американских военных, в то время как еще 8280 моряков, летчиков и морских пехотинцев разбросаны по Бельгии, Греции, Нидерландам, Норвегии, Португалии, Испании и Турции. Не остаются без внимания и моря: Средиземное море патрулирует 6-й флот ВМС США, усиленный еще двумя тысячами морских пехотинцев. ⁽⁴⁻¹⁰⁾

Этнический конфликт на Балканах привел к вмешательству Америки в ситуацию в Боснии и Косово. Хотя, судя по всему, там уже установился мир, США и их союзники предпочитают не рисковать, и поэтому в Боснии в качестве стабилизационных сил находятся 2000 американских солдат. В Косово миротворческие функции осуществляют еще 5000 военнослужащих армии США.

Десятилетия спустя после событий в Хиросиме в Японии размещаются 18000 солдат и офицеров, и 84 боевых самолета. Также там находится 7-й флот ВМС США и 20000 морских пехотинцев. По соседству, через море, в Южной Корее, 29100 американских военных охраняют границу этой страны с северным соседом, причисленным к «странам-изгоям». В распоряжении американских войск в Южной Корее имеется тактическое ядерное оружие.

В Тихом океане также располагаются несколько небольших подразделений армии США. Помимо мощных военно-морских и военно-воздушных баз на островах Гуам (Тихий океан) и Диего Гарсиа (Индийский океан), США располагают станцией радиоэлектронной разведки в Австралии с персоналом до ста человек. Еще 108 военнослужащих располагаются в Таиланде. Присутствуют американские солдаты и в Восточном Тиморе и на Филиппинах.

В Афганистане с терроризмом продолжают бороться 7500 военнослужащих США, добывающих остатки «Аль-Каиды» и «Талибана». Помимо этого американские войска также используют базы в соседних с Россией Узбекистане, Таджикистане и Киргизии.

Во время «холодной войны» размещение американских войск в этих странах было немыслимым, однако после «холодной войны» началась другая война – борьба с терроризмом. Она затронула даже такую страну, как Куба. Там на базе «Гуантанамо» находятся более 2200 военнослужащих, охраняющих плененных членов «Аль-Каиды» и «Талибана».

С момента первой войны в Персидском заливе, с 1991 года, военное присутствие США на Ближнем Востоке значительно увеличилось. Страны региона – Саудовская Аравия, Кувейт и другие - согласились на создание военных баз США. Это произошло в результате захвата Кувейта иракской армией. Временные базы США и международной коалиции в этом регионе через некоторое время превратились в постоянные. Военные базы США появились в Кувейте (на территории страны находятся две базы США – «Аль Салем» и «Ахмед Аль Джабер»), Бахрейне (столица страны Манама - главная стоянка Пятого Флота США, на авиабазе «Шейх Иса» базируются самолеты-заправщики), Саудовской Аравии (на базе «Принц Султан» размещен Центр Управления Аэрокосмическими Операциями США на

Ближнем Востоке), Катаре (военно-воздушная база «Аль Удейд»), Омане (две базы ВВС США – «Сиб» и «Мазира» и база ВМС «Тумрат») и Объединенных Арабских Эмиратах (военно-воздушная база «Аль Дхарфра», на которой находится один из важнейших складов горючего вооруженных сил США в этом регионе). Следует отметить, что многие террористические группировки, в том числе организация «Аль-Каида», считают недопустимым военное присутствие США на священной исламской земле.

Одновременно с войной против терроризма и сохранением крупного контингента оккупационных войск в Ираке (свыше 150 тысяч человек) Соединенные Штаты ведут борьбу против контрабанды наркотиков. И эта война может быть такой же долгой, как и война с террором.

370 военнослужащих сухопутных сил, военно-воздушных сил и морской пехоты помогают властям Колумбии и Гондураса в проведении операций по борьбе с незаконным производством и распространением наркотиков.

Существуют и другие более «экзотичные» подразделения, среди которых, например, около 1700 военнослужащих разбросаны в Исландии, на Бермудских и Азорских островах. Соединенные Штаты согласились обеспечивать безопасность Исландии во время «холодной войны», так как у нее нет своих вооруженных сил - и с тех пор не покидали эту страну.

В Атлантическом океане Америка также держит значительные военно-морские силы. В их состав входят до четырех авианосцев, 10 стратегических подводных лодок с ядерным оружием на борту и 55 боевых кораблей различных классов.

Если судить по опыту прошлых конфликтов на Балканах, в Корее, в Тихом океане и в Европе, то в Ираке Соединенные Штаты могут пробыть гораздо дольше, чем планируют. Длительное пребывание может дорого обойтись американским налогоплательщикам и поставить под сомнение возможность проведения новых военных кампаний.

Дальнейшее строительство империи может оказаться слишком затратным, и Вашингтону, и его стратегам лучше понять это до того, как империя достигнет слишком больших размеров. История знает множество примеров, свидетельствующих о том, что войну развязать гораздо легче, чем установить мир.

Планы глобальной перегруппировки. В попытке провести самую широкомасштабную со времени окончания «холодной войны» перегруппировку американских вооруженных сил администрация Пентагона создает сеть удаленных военных баз с целью обеспечения быстрой мобилизации американской военной мощи против террористов, вражеских государств и других угроз.

Вывод американских войск из демилитаризованной зоны между Северной и Южной Кореей, о котором было объявлено в начале июня 2003 года, и недавний вывод воинских контингентов из Саудовской Аравии - это первые шаги в комплексной передислокации войск. Большинство крупных постоянных американских баз за рубежом будет заменено на небольшие объекты, которые можно будет подключать в случае возникающей необходимости.

Строятся новые и расширяются старые базы в таких странах, как Катар, Болгария и Кыргызстан, а также на американской территории

острова Гуама. В то время как созданные более 50 лет назад американские базы в Германии и Южной Корее были нацелены на противодействие угрозе со стороны коммунистических стран Восточной Европы во главе с Советским Союзом, новые базы станут ключевыми компонентами в реализации доктрины упреждающих ударов по террористам и вражеским государствам, у которых предположительно есть химическое, биологическое и ядерное оружие.

Местонахождение баз будет определяться необходимостью нанесения быстрых ударов по противникам, располагающим оружием массового поражения, до того как они успеют атаковать США или их союзников. В основе выбора мест дислокации также лежит стратегия министра обороны США Дональда Рамсфельда, согласно которой США не в состоянии предвидеть заранее, кто будет их противником.

Главным разработчиком плана глобальной перегруппировки вооруженных сил США, в соответствии с новой доктриной Буша, является Энди Хельн, помощник министра обороны по стратегическим вопросам. Он считает, что беспрецедентную разрушительную мощь терроризма нельзя игнорировать, и ей невозможно противостоять в одном месте, поскольку терроризм расплывается «по всем регионам, по всем континентам, и бороться с ним необходимо на глобальном уровне». (4-11)

Новая сеть баз соответствует тому, что чиновники министерства обороны называют «поясом нестабильности», который протянулся от Анд (в Южной Америке) через Северную Африку и Ближний Восток до Юго-Восточной Азии.

По словам Энди Хельна, воплощение новой концепции потребует фундаментальных изменений в способах концентрации и доставки американских сил по воздуху и воде. Это должны быть небольшие силы быстрого развертывания, прибывающие в «горячую точку» на базу с заранее подготовленным оборудованием. При поступлении разведывательной информации о появлении в некотором районе мира тренировочной базы террористов, спецподразделению может быть поставлена задача по немедленной ликвидации базы силовым способом. При этом у американского командования не будет достаточного времени (месяц и более) на тщательную подготовку военной операции. Речь может идти всего о нескольких часах.

США сохранят часть постоянных ключевых опорных пунктов на американской территории, например на о-ве Гуам, а также на территории стран-союзников - в Великобритании и, вероятно, в Японии. Взамен демонтированных баз в Саудовской Аравии, Турции, Германии и Южной Корее будут созданы десятки оперативных баз в Южной Европе, Азии и на Ближнем Востоке, при этом их функционирование будут поддерживать постоянные малочисленные военизированные подразделения.

Между постоянными базами и базами нового типа будут подготовлены районы, которые в случае возникновения конфликта американские силы смогут быстро оккупировать с разрешения властей, контролирующих эти территории. Предполагается, что оккупация этих территорий будет проходить при поддержке войск и использовании снаряжения на борту кораблей, находящихся на дежурстве в море, а также войск и тяжелого оборудования, рассредоточенных заранее вдоль ключевых морских коммуникаций. Чиновники министерства обороны приводят в пример несколько договоренностей о базировании в Персидском заливе, заключенных в преддверии войны в Ираке, которые

послужат прототипом того, что будет предпринято Америкой в масштабах всего мира. ⁽⁴⁻¹¹⁾

В то время как США покинули две крупные военно-воздушные базы в Саудовской Аравии и Турции, с которых они совершали патрулирование в Ираке воздушных зон (северной и южной), запретных для самолетов саддамовских военно-воздушных сил более десяти лет, были созданы базы современного типа в Бахрейне, Кувейте, Катаре, Омане и ОАЭ. В Германии пока сохраняется присутствие около 80 тыс. американских военных, где они находятся еще со времени окончания Второй мировой войны. США хотели бы продолжить эксплуатацию базы ВВС «Рамштайн» на юге страны, так как считают ее одним из ключевых опорных пунктов в поддержке развертывания сил на более отдаленных базах. Однако не исключен и такой вариант, при котором база будет закрыта, а ее служащие получают 6-месячное назначение на объекты в Польше, Болгарии и Румынии, которые по сравнению с Германией находятся ближе к Балканам и Центральной Азии. ⁽⁴⁻¹¹⁾

Министерство обороны США проявляет также интерес к освоению южных европейских морских маршрутов, пролегающих через Италию, Испанию и Португалию. В Центральной Азии министерство планирует сохранить базы в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане, где они были созданы в 2001 году для поддержки военных операций в Афганистане. Присутствие на Окинаве, Гавайях и в Гуаме остается пока без изменений. Планируется реконструкция старых американских баз на Филиппинах, а также создание и модернизация баз в Австралии, с вооруженными силами которой Америку связывают давние и тесные отношения.

Особое место в планах перегруппировки вооруженных сил США занимает Германия, на территории которой дислоцируется самый большой контингент американских войск в Европе. В начале марта 2003 года в Штутгарте (Германия) главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами (ОВС) НАТО в Европе американский генерал Джеймс Джонс изложил свое видение радикальных перемен в дислокации вооруженных сил (ВС) США в Европе, в результате которых американское военное присутствие в Германии сократится, а войска будут передислоцированы на менее крупные и не столь дорогостоящие базы на территории таких стран, как Польша, Болгария и Румыния, которые расположены ближе к районам сегодняшних конфликтов. ⁽⁴⁻¹⁹⁾

Генерал Джонс заявил, что в ближайшее время намерен нанести визиты в восточноевропейские страны, которые собираются вступить в НАТО, чтобы проинформировать их о своих предложениях, которые он сможет начать претворять в жизнь примерно через год. Генерал Джонс, который в январе 2003 года занял пост командующего ВС США в Европе и одновременно Главкома ОВС НАТО в Европе, обрисовал этот процесс как часть более широкой трансформации военных возможностей альянса.

Следует отметить, что повышенная активность Пентагона еще до начала военной операции «Шок и трепет» в Ираке происходила также на фоне расширяющегося разрыва между Германией и Соединенными Штатами, который, как полагают, способен завести в непредсказуемом направлении дискуссии о том, куда следует передислоцировать войска.

В конгрессе США прозвучали возмущенные голоса американских законодателей, призывавших Пентагон вывести американские войска из Германии, чтобы наказать канцлера Германии Герхарда Шредера за его

отказ поддержать возглавляемую Соединенными Штатами военную интервенцию в Ирак. Тем не менее, генерал Джонс сделал все, чтобы убедить участников совещания в Штутгарте, что планы Пентагона никак не связаны с ростом напряженности в трансатлантических отношениях.

Между тем слухи о передислокации ВС США в Европе из Германии на новые базы стали предметом интенсивного обсуждения в германской общественности. Так, например, власти Гейдельберга, где расположен штаб сухопутных войск США в Европе и дислоцированы соединения V армейского корпуса США, обеспокоены тем, что передислокация американских войск сильно отразится на бюджете города. Всего в Германии дислоцированы 78000 американских военнослужащих, многие из которых привезли сюда свои семьи. В таких городах, как Гейдельберг или Кайзерслаутерн, который расположен вблизи авиабазы «Рамштейн», американские солдаты играют важную роль в местной экономике.

Ажиотаж вокруг планов передислокации американских войск на восток усилился после визита в Вашингтон министра обороны Болгарии. Министр в интервью заявил, что Соединенные Штаты в награду за поддержку Болгарией политики президента США Джорджа Буша-младшего, возможно, создадут на территории его страны четыре или пять военных баз. Тем не менее генерал Джонс заявил, что план создания баз в Болгарии, Польши, Венгрии и Румынии пока еще не получил формального одобрения со стороны министра обороны США Дональда Рамсфелда.

Сам генерал Джонс, ранее командовавший Корпусом морской пехоты США, является сторонником компактных баз, разбросанных по всему свету, из которых американские солдаты могут быть быстро переброшены в «горячие точки». Образцовым примером компактного размещения войск специального назначения генерал Джонс считает базу морских пехотинцев США на японском острове Окинава. Морские пехотинцы США служат на этой базе по четыре месяца, без семей, после чего возвращаются в свой пункт постоянной дислокации в штате Калифорния, США.

Оружие возмездия. Предвидя опасности, появляющиеся в связи с глобальным расползанием «империи», Пентагон планирует создать системы оружия нового поколения, в том числе огромные гиперзвуковые дистанционно управляемые летательные аппараты и сбрасываемые из космического пространства бомбы, которые позволят США наносить точечные молниеносные удары по своим противникам с собственной территории и держать под прицелом весь мир.

Усовершенствованные технологии позволят США в предстоящие 25 лет устранить зависимость от передовых баз и сотрудничества со своими союзниками и друзьями в различных регионах мира. Новые системы оружия разрабатываются по программе «ФАЛКОН» (Falcon, аббревиатура от Force Application and Launch from the Continental US). Первые летные испытания гиперзвукового летательного аппарата запланированы не позднее 2006 года. ⁽⁴⁻¹²⁾

Конечной целью является создание гиперзвукового летательного аппарата многократного использования, способного стартовать с обычной взлетно-посадочной полосы и наносить удары по целям на удалении до 9000 морских миль (16650 км) не более чем через 2 часа после взлета. Полезная нагрузка этого аппарата составит до 12000 фунтов (5400 кг), а скорость его полета будет в 10 раз больше скорости звука.

Предполагается, что прототип нового летательного аппарата будет готов к испытаниям в 2009 году.

На ближайшие 7 лет планируется создание более дешевого варианта системы оружия «с глобальной досягаемостью» на основе одноразовой ракеты-носителя, которая доставит бомбу в космос и сбросит ее на выбранную цель. Предполагается, что эта бомба будет управляемой. Она сможет доставить к цели заряд взрывчатого вещества весом 1000 фунтов (435 кг). Однако заряд не обязателен, ибо при таких скоростях падения простой титановый стержень способен пробить 70 футов (21 м) скального грунта, а ударная волна от столкновения с землей будет иметь огромную разрушительную силу. Такая бомба может применяться для разрушения заглубленных бункеров.

Испытания новой системы оружия запланированы на 2006-2007 годы. Данная система оружия может быть принята на вооружение приблизительно в 2010 году. Новая ракета-носитель сможет использоваться также для оперативного вывода на околоземную орбиту военных спутников. Срок подготовки запуска составит от нескольких недель до нескольких часов.

Глава 5

Америка и Европа в Новом мировом порядке

«Соединенные Штаты больны разнообразностью шизофрении. С одной стороны, американцы говорят: «Вам, европейцам, следует взять на свои плечи более значительную долю общего бремени». А потом, когда европейцы говорят: «Хорошо, мы будем тащить более тяжелую ношу», американцы говорят: «Минуточку, уж не пытаетесь ли вы нам сказать, чтобы мы шли домой?»»

Генеральный секретарь НАТО
лорд Робертсон, март 2000 года.

Продолжающиеся споры из-за войны с терроризмом крайне обострили различия в политике между американцами и европейцами. Предубеждения уходят в глубь истории и свойственны обеим сторонам. Европейцы закрепили за собой традиционное право быть утонченными и культурными, в то время как многие американцы в силу осознания своей исключительности с трудом воспринимают традиции и образ жизни жителей Старого Света. Имея общую историю, но будучи разделенными океаном и государственными границами, трансатлантические братья после окончания «холодной войны» вступили в опасную и затяжную фазу выяснения общих ценностей, целей и, конечно, взаимных претензий – все как в нормальной многодетной семье – кто старше, кто сильнее, кто умнее, кто богаче и кто, наконец, терпимее.

Скованные одной цепью. Для понимания сложного комплекса проблем, касающихся взаимоотношений между Соединенными Штатами и Европой, ниже представлена выборочная мозаика мнений, высказанных в

разное время различными государственными и политическими деятелями, видными военачальниками и другими влиятельными лицами в Америке и Европе по проблемам американо-европейских отношений. ⁽⁴⁻¹⁴⁾

ВОПРОС: Насколько важны американо-европейские отношения для глобальной безопасности в формирующейся структуре Нового мирового порядка?

ОТВЕТ: «Когда Европа и Америка разделены, история имеет тенденцию становиться трагедией. Когда Европа и Америка партнеры, против нас не сможет устоять никакая угроза или тирания». (Президент США Джордж Буш-младший, июнь 2001 года.)

ВОПРОС: Каково положение Организации североатлантического договора (НАТО)?

ОТВЕТ: «Нас подстерегает опасность появления внутри НАТО военных двух типов: консерваторов (проливающих свою кровь) и модернистов (использующих высокоточные системы оружия). Европейцы в таком случае будут поставлять солдат, а американцы - высокоточное управляемое оружие. Американцы будут говорить: «Мы готовы сражаться до последнего европейца»». (Официальный представитель НАТО в Брюсселе, август 1996 года.)

ВОПРОС: Оправдана ли озвученная выше точка зрения?

ОТВЕТ: «Принимая во внимание тот факт, что новая Европа все еще является загадкой для европейцев, не стоит удивляться, что американцы также не могут ее понять». (Доминик Моиси, французский эксперт по международным отношениям, июль 2001 года.)

ОТВЕТ: «Когда надо было выбирать между пушками и маслом, американцы выбрали пушки, а европейцы выбрали масло - но защищенное американскими пушками». (Джеффри Уиткрофт, английский журналист, март 2000 года.)

ВОПРОС: При каких обстоятельствах НАТО могла бы исчезнуть?

ОТВЕТ: «Если НАТО не возьмется за решение центральных стратегических вопросов нашего времени - а это терроризм, оружие массового поражения (ОМП) и перекройка Ближнего Востока - она перестанет быть первостепенным для Америки альянсом». (Рональд Асмус, бывший заместитель помощника государственного секретаря США по европейским делам, май 2002 года.)

ВОПРОС: Какова точка зрения президента США?

ОТВЕТ: «Я отказываюсь допускать, чтобы какой-то вопрос изолировал Америку от Европы». (Президент США Джордж Буш-младший, июнь 2001 года.)

ВОПРОС: Что заставляет Европу проявлять осмотрительность в вопросе об уничтожении террористической сети «Аль-Каида»?

ОТВЕТ: «Ошеломительный, неожиданно быстрый успех военной кампании в Афганистане, возможно, усилил некоторые опасные инстинкты, проявляющиеся в том, что распространение военной мощи является единственной основой истинной безопасности». (Крис Паттен,

комиссар Европейского Союза (ЕС) по внешнеполитическим делам, февраль 2002 года.)

ВОПРОС: Поддержали бы европейцы удар против Ирака?

ОТВЕТ: «Мы, европейцы, предостерегаем против него. Нет никаких признаков, нет доказательств, что Ирак имеет отношение к тому терроризму, о котором мы говорим последние несколько месяцев. Этот аргумент о терроре нельзя использовать для того, чтобы придать законность старой вражде». (Заместитель министра иностранных дел Германии Ладжер Фоллмер, февраль 2002 года.)

ВОПРОС: Разделяют ли эти озабоченности в Соединенных Штатах?

ОТВЕТ: «Мы ведем оборонительную войну. Это также война за западную цивилизацию. Если европейцы отказываются считать себя частью этой борьбы, ну что же. Мы позволим им подержать наши пальто». (Чарльз Краутхэммер, ведущий обозреватель газеты «Вашингтон пост» (The Washington Post), март 2002 года.)

ВОПРОС: На что жалуются европейцы?

ОТВЕТ: «Соединенные Штаты больны разнообразностью шизофрении. С одной стороны, американцы говорят: «Вам, европейцам, следует взять на свои плечи более значительную долю общего бремени». А потом, когда европейцы говорят: «Хорошо, мы будем тащить более тяжелую ношу», американцы говорят: «Минуточку, уж не пытаетесь ли Вы нам сказать, чтобы мы шли домой?»» (Генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон, март 2000 года.)

ВОПРОС: Что заставляет американцев приходить в ярость?

ОТВЕТ: «Когда американский президент не консультируется со своими европейскими коллегами по любому вопросу, его часто критикуют за нежелание принимать во внимание взгляды союзников - и за высокомерное поведение. Но, если он путешествует по различным столицам в поисках совета, его могут критиковать за беспомощность и нерешительность». (Уильям Дроздяк, корреспондент газеты «Вашингтон пост», июль 1994 года.)

ВОПРОС: Насколько могущественна НАТО сегодня?

ОТВЕТ: «НАТО сегодня превращается в ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе), но с личным оружием». (Джеффри Гедмин, директор берлинского Института Аспена, май 2002 года.)

ВОПРОС: Выйдут ли Соединенные Штаты из НАТО из-за разногласий в политике?

ОТВЕТ: «НАТО незаменима для нашей собственной национальной безопасности по политическим, тыловым и военным причинам. Даже самая великая мировая сверхдержава не может оставаться в одиночестве». (Ричард Холбрук, бывший посол США в Германии и в Организации Объединенных Наций, май 2002 года.)

Трудный диалог с Европой. После нескольких месяцев «холодной войны» с Организацией Объединенных Наций Соединенные Штаты предложили в начале мая 2003 года проект резолюции, согласно которой международное сообщество должно получить контроль над действиями по восстановлению Ирака. Это могло, по мнению американцев, вернуть ООН некоторое доверие, и совершенно очевидно, что шаг Вашингтона был задуман как предложение мира своим бывшим союзникам в «Старой Европе». Однако, хотя это предложение и выглядело внешне искреннее, оно вряд ли будет способствовать потеплению отношений США с Россией, Францией, Германией и Турцией. Проблема заключается в том, что администрация Буша, внешне пытаясь вернуть себе своих традиционных друзей, на деле продолжает умалчивать о своих истинных намерениях.

Чтобы понять смысл проблемы, необходимо вспомнить, какая информация представлялась европейцам американцами в период подготовки к войне. Помимо различных споров и плохих предчувствий, основной проблемой являлось то, что заявляемые Вашингтоном цели войны не были логически обоснованы, а ее истинные причины обычно не раскрывались до конца или отрицались.

Официальные цели войны, о которых говорилось союзникам, были следующие: ликвидация иракского оружия массового поражения, борьба с терроризмом, избавление от ненавистного диктатора. В свою очередь европейцы утверждали, что в Ираке не было оружия массового поражения, готового к применению; что сохранение данного статус-кво инспекторами стоило бы дешевле, чем военная кампания; что Саддам Хусейн никаким образом не был связан с «Аль-Каидой». Европейцы признавали, что он действительно являлся кровавым тираном, однако напоминали, что именно США решили не устранять его от власти в 1991 году. Таким образом, тиран как был, так и остался им быть, а вот отношение к нему со стороны Америки почему-то радикально изменилось. Намеки на то, что Саддам, возможно, является спонсором «Аль-Каиды», так и остались на уровне американских предположений.⁽⁴⁻¹⁷⁾

В Европе неубедительность официальных американских аргументов породила подозрения, что война имела некоторую скрытую цель. В европейском общественном мнении укоренилась идея, что война затевалась из-за нефти, и эта мысль хорошо вписывалась в антиимперские настроения от Каира до Парижа.

«Нефтяной» аргумент, несомненно, был неверным. Однако это не означало, что европейцы ошибались, думая о наличии у Америки иных целей войны. На самом деле, эти цели особо и не скрывались. Они открыто обсуждались в различных аналитических организациях. Идея заключалась в том, что израильско-палестинский конфликт является самой сложной внешнеполитической задачей США, и решить ее можно только в том случае, если на Ближнем Востоке радикально изменится существующая ситуация.

С этой точки зрения поводом для военной кампании в Ираке стало не то, что Ирак представлял собой главную угрозу, а то, что эта страна была самой слабой, и с ней было легче всего справиться. **Основная цель вторжения состояла в том, чтобы показать политическую волю Америки и ее готовность к войне.** Изменение ситуации на Ближнем Востоке означало не изменение границ, а оказание военного давления на

существующие режимы, и подрыв их стабильности призывами к демократии.

После падения Багдада Тегеран, Дамаск и Эр-Рияд должны были понять, что Америка вернулась в этот регион серьезно и надолго. Израиль начал заявлять, что необходимо немедленно что-то делать с ядерной программой Ирана. Чиновники из Пентагона намекали, что следующей целью может стать Сирия. Смысл этих «пробных шаров» заключался в том, чтобы заставить Тегеран и Дамаск прекратить поддерживать террористические организации такие как, например, «Хезболла. Было ли простым совпадением то, что проект резолюции по Ираку был представлен в Совет Безопасности ООН как раз в то время, когда государственный секретарь США Колин Пауэлл направлялся в Иерусалим?

Такая американская политика очень рискованна и имеет много скрытых трудностей, однако она логична и достойна одобрения, и должна быть поставлена в повестку дня. В этом случае можно будет хотя бы обсудить насущные вопросы.

Проблема заключается в том, что американские официальные лица никогда не раскрывали своим европейским союзникам истинные мотивы для проведения войны. Основанием для их нынешнего частичного раскрытия может быть то, что согласие в Вашингтоне было достигнуто только по одному имеющему не первую важность вопросу - по свержению Саддама Хуссейна. А более объемные вопросы, касающиеся всего региона, могли бы быть донесены президентом Бушем до его европейских коллег позднее. Однако этого сделано не было. Президент Буш не любит путешествовать, в отличие от своего отца и от Рональда Рейгана. При этом, частные встречи, на которых можно было бы продвинуть некоторые идеи, не принимая официальных заявлений, в течение этого времени не проводились.

Государственный департамент последовательно говорил только об ограниченном круге вопросов (о терроризме, оружии массового поражения и диктатуре), и постоянно отвергал идею существования иных причин для войны. Европейским дипломатам или экспертам, обращавшимся к американским чиновникам с вопросом о более глобальных целях войны, которые обсуждались в близких к Пентагону аналитических организациях (демократизация, изменение обстановки на Ближнем Востоке, давление на Иран и Сирию), давался ответ, что все эти обсуждения не являются официальной точкой зрения.

Согласилась бы Европа с настоящими целями войны? Конечно, нет. Но, по крайней мере, началось бы обсуждение важного вопроса: имеет ли смысл трансформировать Ближний Восток посредством военного давления?

В общем, у Европы сейчас нет поводов для расстройств. В конечном счете, присоединение к коалиции означало для нее ознакомление со всей стратегией в целом, а не слепое участие в боевых действиях. У Европы есть свои основания для беспокойства. Среди них: миролюбивое общественное мнение, близость к Ближнему Востоку, большое количество мусульман среди населения, которые заявляют о своих правах гораздо громче, чем мусульмане в Соединенных Штатах.

По сути дела, администрации Буша в дальнейшем будет очень трудно выполнять свои долгосрочные планы без поддержки союзников и международного сотрудничества. Из ситуации в Ираке американская

общественность вскоре поймет, что американские войска являются оккупационной армией. Этим и объясняется предпринятая в начале мая 2003 года в ООН попытка перемирия. Пока союзникам США и ООН не будет предоставлена существенная роль, Америка будет вынуждена управлять Ираком на протяжении многих лет, а также держать там десятки, если не сотни тысяч солдат.

Вашингтон заявил, что он сможет создать дружественный, демократический и стабильный Ирак в течение двух лет. Однако все понимают, что это обещание очень далеко от реальности. Если Вашингтону удастся выполнить хотя бы две из этих целей, то это будет неправдоподобно много. Демократия не может существовать без национализма, и рано или поздно иракцы поставят под вопрос американское присутствие в их стране. Соединенные Штаты не смогут справиться в одиночку с движущей силой Ближнего Востока. Речь идет не об исламизме, и не о стремлении к демократии, речь идет о простом национализме - в какие бы одежды он ни рядился: демократии, средневекового тоталитаризма или исламского фундаментализма. ⁽⁴⁻¹⁷⁾

«Ремонт» Атлантического дома. В майском номере французской «Монд» (Le Monde) была опубликована коллективная статья 18 бывших высокопоставленных представителей администрации США. Статья была подготовлена в рамках Европейской программы Центра стратегических и международных исследований. Большинство подписавшихся в конце статьи - бывшие госсекретари США, министры обороны США и сенаторы, представляющие как республиканскую, так и демократическую партии. Среди них: бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, бывшие министры обороны США Гарольд Браун, Уильям Коэн и Фрэнк Карлуччи, бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, бывший госсекретарь США Уоррен Кристофер, бывший кандидат в президенты США Роберт Доул, бывшие госсекретари США Лоуренс Иглбергер и Александр Хейг-младший.

В статье под заголовком «За обновление трансатлантического партнерства», опубликованной в номере «Монд» за 15 мая 2003 года, в частности, отмечалось: «В очередной раз мы вступили в решающий период в истории отношений Америки с Европой. В очередной раз мы участвуем в дискуссии, о которой говорят, что она разделяет нас, американцев и европейцев. В очередной раз тема нашей полемики - это обоснованность существования нашего союза и значение наших связей». ⁽⁴⁻¹⁵⁾

Поскольку проблема Атлантического союза является фундаментом, на котором строится вся американская внешняя политика, включая обоснование однополярной конструкции мира в 21-м веке в рамках доктрины Буша, ниже приводятся наиболее важные вопросы, затронутые в этой статье самыми авторитетными политическими и государственными деятелями Соединенных Штатов Америки, занимавшими ключевые посты в американских структурах власти.

Авторы статьи признают, что в прошлом дебатов такого рода было также немало. Более десяти лет назад завершилась «холодная война». Теперь, когда Америке предстоят долгие и опасные годы непредвиденной войны против терроризма, трансатлантическое сотрудничество приобретает решающее значение. Однако позиция альянса в настоящее время кажется неопределенной. Авторы, вспоминая эпизоды

послевоенного периода, признают, что после 1945 года американцам и европейцам было непросто достичь согласия в вопросах об устройстве НАТО и ее программе. Смелые идеи, которые формировали американскую политику послевоенного восстановления Европы, были отвергнуты и расценены как наивные и даже опасные. Тогда еще предстояли работы по восстановлению и перевооружению Германии. В то время еще обсуждались планы по созданию союза европейских государств.

Но и спустя более полувека в ситуации, когда обсуждаются другие смелые идеи, призванные защитить Америку и Европу от новых угроз, концепция трансатлантических и внутриевропейских отношений далека от завершения и нуждается в доработке. В связи с возникающей неопределенностью авторы выражают свою серьезную обеспокоенность. Такое настроение связано еще и с тем, что в настоящее время некоторые наблюдатели в США и в ряде стран Европы высказывали мысли о том, что в конечном счете Америка и Европа больше не нуждается в трансатлантическом партнерстве. Поэтому высокопоставленные в прошлом авторы видят свой долг в том, чтобы проанализировать обстоятельства, при которых появилось такое мнение.

Они единодушны в том, что какой бы ни была причина горячих споров по обе стороны Атлантики, разногласия не должны наносить ущерб отношениям, которые американцы поддерживают со своими европейскими союзниками. В момент, когда бои в Ираке уже прекратились, а согласие между союзниками по НАТО все еще не восстановлено, должны быть предприняты серьезные усилия для обеспечения эффективного взаимодействия Соединенных Штатов со странами Европы.

Авторы считают, что трагические события 11 сентября 2001 года создали целый ряд новых реальностей и заставили их обратить внимание на целый ряд появившихся опасностей. Вместе с этим, эти теракты не изменили главной цели Америки в отношении Европы. После «холодной войны» главной целью США было создание более сплоченной, расширенной и мощной Европы. Эта цель остается в силе и после 11 сентября. Сегодня, как и вчера, США и страны Европы связывает общность интересов и ценностей. Главную задачу авторы статьи видят в том, что в ситуации, когда интересы и ценности оказываются под угрозой, Америка и Европа должны действовать как единая организация.

США хотят видеть Европу единой, что отвечает американским интересам на этом континенте. Единая и целая Европа должна оставаться стратегическим партнером США, но США и Европа могут играть взаимодополняющую роль, каждая из сторон по обе стороны Атлантики будет учитывать роль друг друга в сферах безопасности, экономики и политики. Это особенно важно теперь, когда ставится задача реализации невоенных аспектов совместной войны против терроризма. Причем если США и их европейские союзники будут действовать как единая и гармоничная сила, то терроризм будет побежден.

Авторы считают, что главный элемент трансатлантического партнерства заключается в существовании стабильной Европы. Любые дела и слова со стороны Америки, не должно восприниматься как пересмотр их обязательств в отношении Европы. Европа, пережившая в первой половине прошлого столетия две мировые войны, после 1945 года сильно изменилась. Произошло это после того, как руководители США

превратили европейский фактор в важнейший аспект своей политики балансирования.

В свою очередь, авторы статьи призывают европейцев к тому, чтобы они также дали американцам гарантии того, что последние будут чувствовать себя в Европе желанными гостями. Слишком многое из того, что происходит внутри Евросоюза, изображается некоторыми европейцами как намерение Европы бросить вызов интересам США. Было бы лучше говорить о намерении Европы развивать свое сотрудничество с США.

Крайне полезно, чтобы в рамках нынешнего Европейского Конвента и предстоящей межправительственной Конференции представители США участвовали в работе заседаний в качестве наблюдателей. Со своей стороны, США должны продолжать укрепление своих политических отношений с Евросоюзом. С этой целью, например, обе палаты американского конгресса должны активизировать свои контакты с Европарламентом, в том числе с его депутатами и заинтересованными делегациями. Цель состоит не в том, чтобы США стали членом Евросоюза, а в том, чтобы утвердить практику диалога и партнерства, которые являются предварительным условием принятия любого решения.

В предстоящие годы должен быть принят механизм, обеспечивающий непосредственную координацию действий между США и учреждениями Евросоюза. Нынешняя формула саммитов, объединяющих США и Евросоюз, не отвечает этой цели. В Европе не должно быть ни малейшего сомнения в необходимости укрепления партнерства с США. Центральная опора нашего партнерства с Европой - это Атлантический альянс, который является централизованной и мощной организацией. Сегодня, как и вчера, члены НАТО остаются приоритетными союзниками Америки.

На Балканах и в Афганистане НАТО доказала свою ценность в операциях, которые выходят за привычные рамки компетенции этой организации. Главная задача участников этого альянса – это пересмотр его структур и возможностей с целью повышения эффективности. В этом контексте авторы статьи одобряют решения, принятыми на саммите организации в Праге. Одобренные на саммите реформы НАТО приведут к созданию нового структурного потенциала, в котором организация нуждается, чтобы соответствовать новым реалиям, сложившимся в мире после 11 сентября.

Особое внимание авторы статьи обращают на проблему оборонного потенциала стран-членов НАТО. Увеличивающийся разрыв между военным потенциалом США и Европы затрудняет сотрудничество в сфере трансатлантической обороны. Конечно, США не вправе решать, каким должен быть объем оборонного бюджета европейских союзников. Однако надо признать, что дальнейшее увеличение разрыва в оборонных расходах США и Европы может привести к отрицательным политическим последствиям внутри альянса. Вот почему расширение сотрудничества в этой сфере между странами Евросоюза может способствовать повышению рентабельности европейского оборонного бюджета.

Следующей по степени важности проблемой авторы статьи считают необходимость расширения трансатлантического сотрудничества в сфере обмена технологиями и проведение реформы в системе экспортного контроля. При этом они, однако, признают, что без

увеличения ассигнований на военные цели расширение сотрудничества в оборонной сфере не будет эффективным. Европейские страны-члены НАТО и страны Евросоюза должны договориться о масштабах минимального ежегодного увеличения оборонных расходов.

Зная о планах Пентагона по изменению своего территориального присутствия в Европе, авторы статьи пытаются успокоить своих европейских союзников. Они как бы заранее предупреждают, что вероятная передислокация американских сил, размещенных в Европе, является логичной и не должна рассматриваться как мера наказания или шаг в сторону отказа США от взятых на себя обязательств. США должны принимать решение о такой передислокации только после согласования этого вопроса со странами НАТО. Эта передислокация будет осуществлена в рамках новой стратегии в условиях расширения НАТО и усиления роли этой организации. Разногласия, возникшие в НАТО в связи с войной в Ираке, не должны создавать препятствия этим планам.

В течение ближайших лет роль НАТО в войне против терроризма должна существенно увеличиться. С момента создания альянса одной из главных его задач было не только победить советскую политическую и военную угрозу, но и предотвратить возрождение многочисленных конфликтов, которые в прежние годы привели к увеличению нестабильности на всем континенте.

Не раскрывая механизма, авторы статьи то ли в форме совета, то ли в форме приказа говорят, что реформы внутри НАТО и Евросоюза должны идти одновременно. При этом тут же предупреждают европейцев о том, что ни в коем случае не следует противопоставлять друг другу эти две организации. У каждой из них свои задачи. Так, Евросоюз может создать инструменты, дополняющие механизмы обеспечения безопасности, уже существующие внутри НАТО. Процесс трансатлантического сотрудничества приобретет новое измерение после того, как европейский Конвент утвердит распределение полномочий между руководящими органами Евросоюза. При этом США продолжат разработку проектов по восстановлению Афганистана и Ирака в тесном сотрудничестве с Европой.

Еще одна проблема, которая, по мнению авторов статьи, должна быть в списке важнейших проблем по обе стороны Атлантики, - это израильско-палестинский конфликт. С завершением боевых действий в Ираке международный квартет, объединяющий США и Евросоюз, Россию и ООН, должен активизировать мирный процесс. Ключ успеха мирного плана, поддержанного президентом США, состоит в реализации мер, которые гарантируют безопасность Израиля и определяют условия создания палестинского государства.

Особое беспокойство авторы статьи видят в росте антиамериканских настроений в Европе. К сожалению, эти настроения вызвали и в США ответную антиевропейскую риторику. Авторы считают, что ведущие политические лидеры по обе стороны Атлантики должны удержать эту волну. С этой целью они сформировали инициативную группу, поскольку испытывают обеспокоенность по поводу появившейся в последнее время тенденции с обеих сторон Атлантики, которая рискует скомпрометировать те достижения, которым они, как и многие другие, посвятили большую часть своей политической деятельности.

Осознавая опасности, ожидающие Атлантический союз в ближайшем будущем, группа влиятельных американских деятелей

обращаются к нынешним руководителям государств по обе стороны Атлантики. Они предупреждают, что разногласия между США и странами Европы, как и внутренние разногласия, угрожают нашей солидарности в момент, когда единство играет важную роль. Большая часть главных проблем 21-го века по своей природе имеет глобальный характер, и американская администрация при их решении должна будет рассчитывать на понимание и поддержку европейских союзников. В сегодняшнем мире ни США, ни Европа не являются всемогущими, они нуждаются во взаимной поддержке, чтобы обеспечивать свою собственную экономическую и физическую безопасность, не говоря уже об угрозах за пределами их границ. ⁽⁴⁻¹⁵⁾

ПОДПИСИ:

ОТ ДЕМОКРАТОВ:

Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США; Гарольд Браун, бывший министр обороны США; Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности; Уоррен Кристофер, бывший госсекретарь США; Уильям Коэн, бывший министр обороны США; Стюарт Эйзенштат, бывший заместитель министра финансов США; Джон Хамри, бывший заместитель министра обороны США; Карла Хиллз, бывший Торговый представитель администрации США; Сэм Нанн, бывший глава комиссии сената США по обороне; Чарльз Робб, бывший сенатор.

ОТ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ:

Фрэнк Карллуччи, бывший министр обороны; Роберт Доул, бывший кандидат в президенты США; Лоуренс Иглбергер, бывший госсекретарь США; Александр Хейг-младший, бывший госсекретарь США; Ли Хамильтон, бывший глава комиссии палаты представителей по иностранным делам; Уильям Рот-младший, бывший сенатор и Джеймс Шлезингер, бывший министр обороны США.

Ссылки:

(4-1) «The Washington Post», Leon Fuerth (Леон Фуерт), «Рождение новой империи», 19 марта 2003

(4-2) «The Economist», Редакционная статья, «Новый мировой порядок», 17 апреля 2003.

(4-3) Esterhazy, Y., Mueller, P.; Die neue Weltordnung des George W. Bush, "Financial Times Deutschland", 19 march, 2003.

(4-4) «Die Welt», Thomas Kielinger (Томас Килингер), 29 апреля 2003.

(4-5) «Liberation», Daniel Soulez-Lariviere (Даниэль Суле-Ляривьер), «Идея однополярного мира обречена», 27 апреля 2003.

(4-6) "The Financial Times", Великобритания, Michael O'Hanlon (Майкл О'Хэнлон), 29 апреля 2003 г.

(4-7) "The Times", Великобритания, Джон Ле Карре (John le Carre), 16 января 2003 г.

(4-8) "El Mundo", Ennio Caretto (Эннио Каретто), 9 января 2003.

(4-9) "La Vanguardia", Angel Quintana (Анхель Кинтана), 31 марта 2003

(4-10) "The Observer", Великобритания, Thomas Withington (Томас Уидингтон), 6 апреля 2003 г.

(4-11) «The Washington Post», Vernon Leib (Вернон Лейб), 9 июня 2003 г.

(4-12) Borger, Julian: "America to build super weapons", "The Guardian", 1 July, 2003.

(4-13) "L'Express", Pierre Hassner (Пьер Хаснер), 24 апреля 2003

(4-14) "The Globalist" (США), редакционная статья, 23 мая 2002 г.

(4-15) "Le Monde", Madeleine Albright (Мадлен Олбрайт), James Schlesinger (Джеймс Шлезингер), 15 мая 2003/

(4-16) «Corriere della Sera», Goffredo Buccini, 7 April, 2003.

(4-17) "The New York Times", Oliver Roy (Оливер Рой), 13 мая 2003 г.

(4-18) "The Wall Street Journal", редакционная статья, 1 апреля 2003 г.

(4-19) "The International Herald Tribune", Mark Landler (Марк Ландлер), 4 марта 2003.

ЧАСТЬ 5

ОРЛЫ ЛЕТЯТ ЗА ДОБЫЧЕЙ

«О незаконности действий нам необходимо говорить так, словно у нас ее нет».

Из выступлений Джорджа Буша, 20 мая 1996 г.

«Мы готовы вести работу с обеими сторонами, чтобы снизить уровень террора до уровня, приемлемого для обеих сторон».

Из выступлений президента Джорджа Буша, Вашингтон, 2 октября 2001 г.

Если Пентагон рассматривать как Акционерное общество закрытого типа, с воинственным названием АОЗТ «Кричащие Орлы на Потомаке», тогда военные операции, как основной вид продукции этого общества, обязательно должны иметь бизнес-план с подробными статьями расхода и дохода. Война – это большой и серьезный бизнес. Однако опытный директор АОЗТ «Кричащие Орлы на Потомаке» - министр обороны США Дональд Рамсфелд считает, что оценить стоимость войны в Ираке очень трудно или даже невозможно. С директорами АОЗТ всегда трудно. Искусство приписок и уклонения от налоговой службы превратилось в основную профессиональную особенность хозяев АОЗТ. Но независимо от Пентагона, в условиях американской демократии, как правительственные, так и независимые аналитики все же пытались сделать такую оценку.